Ровесник

1
1978

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Январь, 1978 год, № 1

На первой странице обложки: Кадр из любительского фильма, снятого ребятами из Лиги социалистической молодежи Японии, об одном из многочисленных фестивалей, проходивших летом минувшего года по всей стране под лозунгами XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

— «ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...» — рассказ о Бюро международного молодежного туризма «Спутник», которому исполняется 20 лет.

— «ПИКЕТЫ НА ПОЛИГОНЕ» — очерк о борьбе молодежи Японии против угрозы милитаризма, против американских военных баз на Окинаве.

ГАВАНА. Федерация университетских студентов Кубы (ФЕУ) заявила о своей поддержке народа Панамы в борьбе за полное национальное освобождение. Председатель федерации Конрадо Эрнандес принял недавно участие в работе X съезда Федерации студентов Панамы (ФЕП). Выступив на съезде с речью, он сказал, что кубинский народ, молодежь Кубы всегда были и будут солидарны с народом Панамы в его борьбе. Конрадо Эрнандес отметил, что успех на последних переговорах с США о Панамском канале — это еще один шаг вперед в деле достижения экономической и политической независимости.

ЛОНДОН. Известие о расправе со Стивом Бико, видным активистом молодежного движения, основателем Союза черных студентов ЮАР, всколыхнуло во всем мире новую волну возмущения произволом расистского режима. Участники демонстрации, состоявшейся у посольства ЮАР в Лондоне, потребовали от правительства Великобритании прекратить военную и экономическую помощь режиму Форстера. Демонстранты передали в посольство ЮАР письмо, подписанное видными деятелями прогрессивных организаций Великобритании, требующее международного расследования обстоятельств гибели Стива Бико.

На снимке: участники демонстрации в Лондоне.

БУДАПЕШТ. В посольство Социалистической Республики Вьетнам в Будапеште были приглашены представители Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) для вручения им ордена Дружбы. Эта награда присуждена ВФДМ за активную помощь вьетнамской молодежи и всему вьетнамскому народу в борьбе против агрессии американских империалистов и в осуществлении мирного строительства.

БЕРЛИН. В средних специальных учебных заведениях ГДР обучается сейчас в общей сложности 500 тысяч юношей и девушек. К 1980 году число учащихся достигнет миллиона. Правительство и Министерство образования Германской Демократической Республики уделяют огромное внимание профессионально-техническому обучению — подготовке высококвалифицированных кадров для развития народного хозяйства. Выпускникам школ предоставляется огромный выбор специальностей: для окончивших десять классов — 224, а для окончивших восьмилетку — 66. К преподаванию в профессионально-технических училищах привлечено более 10 тысяч специалистов: инженеров, ученых, передовиков производства, педагогов.

На снимке: Лутц Крюгер — один из 235 тысяч ребят, пришедших в этом году учиться на предприятия ГДР, рядом со своим наставником Хорстом Кубликом.

СОФИЯ. В столице Народной Республики Болгарии состоялся XII конгресс Международного союза студентов. В его работе приняли участие сотни представителей демократических организаций учащейся молодежи планеты. МСС объединяет более трех четвертей национальных союзов студентов мира, представляющих огромное большинство прогрессивного демократического студенчества планеты. Участники конгресса подвели итог деятельности международного студенческого движения за период после XI конгресса МСС, обсудили основные направления ее развития, задачи МСС в общей антиимпериалистической борьбе за мир, социальный прогресс, за демократизацию образования, за права студентов. Одним из главных пунктов в повестке дня был вопрос об участии студенческих организаций в подготовке и проведении XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

ПРАГА. В связи с неуклонным ростом безработицы среди молодежи в капиталистических странах Всемирная федерация профсоюзов приняла заявление, в котором отмечается необходимость уделить особое внимание проблемам молодежи. В заявлении говорится, что именно на молодежи больше всего сказываются последствия глубокого кризиса капиталистической системы. Массовая безработица — это трагедия, и моральная и социальная, для миллионов молодых, только вступающих в трудовую жизнь. Задача профсоюзов поэтому — взять их интересы под свою защиту. Всемирная федерация профсоюзов объявила о своей солидарности с молодыми людьми, которым во многих странах приходится неустанно бороться за свои права, и особенно за право на труд.

МОСКВА. Более трех тысяч студентов из Республики Куба учатся в различных вузах в сорока городах нашей страны. Они, как и советские студенты, активно готовятся к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване. Бюро Союза молодых коммунистов Кубы в Москве обратилось к кубинцам, которые сейчас учатся в Советском Союзе, с призывом принять участие в соревновании «Товарищ XI фестиваль». Это соревнование включает в себя два этапа. Первый этап охватил целый ряд мероприятий по подготовке к встрече 60-летия Великого Октября, таких, как участие в субботниках, работа отряда кубинских студентов на строительстве Байкало-Амурской магистрали, организация выступлений агитбригад, дружеские встречи с советской молодежью. Программа второго этапа соревнования, который называется «Навстречу фестивалю», предусматривает совместные конференции по обмену опытом подготовки к фестивалю, различные культурные и спортивные мероприятия.

На снимке: на одной из встреч студентов из Республики Куба с советским детским самодеятельным коллективом.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

МАПУТУ. 1200 мозамбикских учащихся средних школ отправились на учебу на Кубу. Министр просвещения и культуры Граса Машел заявила, что подготовка мозамбикских детей в кубинских школах послужит укреплению отношений между партиями, правительствами и народами обеих стран. Она призвала учащихся творчески использовать опыт строительства социалистического общества на Кубе. Вместе с учащимися на Кубу отправились десять учителей.

БОНН. Под девизом «Будущее началось 60 лет назад» проходила в ФРГ Неделя дружбы между советской и западногерманской молодежью. Организаторами ее выступили Социалистическая немецкая рабочая молодежь (СНРМ), марксистский союз студентов «Спартак», социалистическая детская организация юных пионеров. По всей стране было проведено более 400 различных мероприятий, форумов, конференций. Члены советской делегации, а их было сто человек, приняли участие более чем в сотне встреч и бесед в разных городах ФРГ.

АДЕН. Здесь открылась высшая школа молодежных кадров при ЦК Союза молодежи демократического Йемена (СМДЙ). Революционное правительство НДРЙ придает большое значение политическому воспитанию молодежи, подготовке квалифицированных кадров для социалистического строительства. Выступая на церемонии открытия школы, первый секретарь ЦК СМДЙ Насер Салех Гасус выразил глубокую благодарность Ленинскому комсомолу за братскую помощь в деле подготовки кадров для Союза молодежи демократического Йемена, в организации высшей школы. Здание школы было построено при участии строительного отряда советских студентов.

НЬЮ-ЙОРК. Молодежь США выражает возмущение расистскими и политическими репрессиями в стране. Недавно одновременно в двадцати крупнейших городах Соединенных Штатов были организованы демонстрации, требующие оправдания и освобождения несправедливо осужденной «уилмингтонской десятки». В этих демонстрациях приняли участие лидеры профсоюзного, рабочего и молодежного движения, прогрессивные общественные деятели. Один из них, Генри Фонер, президент объединенного комитета трех рабочих профсоюзов, заявил, выступая на митинге в Нью-Йорке, что борьба против расизма — одно из важнейших и необходимых условий развития рабочего движения.

На снимке: участники демонстрации в Нью-Йорке требуют от властей освобождения «уилмингтонской десятки».

смотрите:

А. НОДИЯ, наш спец. корр.

Эти фотографии — кадры из документального любительского фильма, который нам, членам советской делегации, показали в городе Фукияма ребята из Лиги социалистической молодежи Японии. Фильм — об одном из фестивалей, проходивших летом минувшего года по всей стране под лозунгом предстоящего XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Каждый такой фестиваль собирал сотни, а то и тысячи молодых японцев. Выкроив несколько дней от отпуска, прихватив с собой ребятишек, они выезжали за город, разбивали палатки, сооружали импровизированные спортивные площадки и сцены, устанавливали плакаты и транспаранты, на которых знакомое каждому изображение фестивальной ромашки и требования рабо-

ты для всех, достатка для всех, счастья и мира для всех простых людей.

Комментируя фильм, ребята из Лиги рассказывали о жизни японской молодежи, о ее борьбе за свои права, «в которой, — говорили они, — мы опираемся на опыт Ленинского комсомола, успехи реального социализма, построенного в Советском Союзе, потому что то, за что мы боремся, уже осуществлено в СССР».

„ФЕСТИВАЛЬ!“ В ПЕРЕВОДЕ

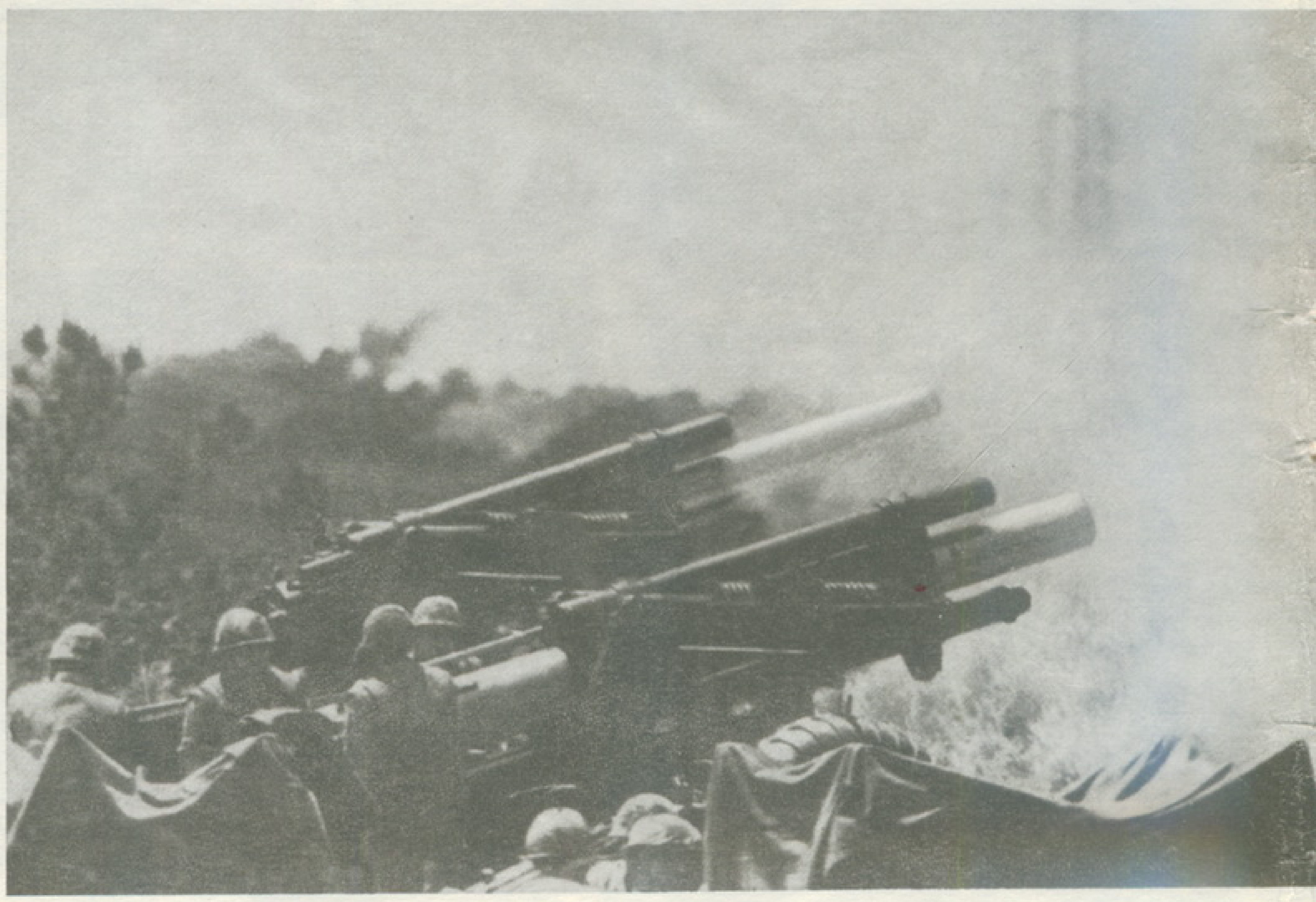
„Подготовка и проведение XI фестиваля, — как подчеркнуто в призыве Международного подготовительного комитета XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, — должны способствовать дальнейшему последовательному развитию широких совместных действий различных слоев молодежи и студенчества... для дополнения политической разрядки военной, для достижения всеобщего и полного разоружения». В последние месяцы молодежь разных континентов предприняла целый ряд таких совместных действий. Одно из них — Международная студенческая встреча по вопросам разоружения, укрепления безопасности народов и разрядки, которая состоялась в Хельсинки в октябре прошлого года. Слово участникам встречи.

КАРИ СУЛККО, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ ФИНЛЯНДИИ:

— Мы собрались здесь не для того, чтобы просто констатировать ход событий. Мы считаем, что многое зависит как от государств, так и от народов и каждого из

ПИКЕТЫ

Владимир САПРОНОВ

С этим недавним известием с японского острова Окинава, где мне довелось работать в течение полугода на выставке «ЭКСПО-75 — Мировой океан», я познакомился в Москве. На полигоне морской пехоты США Хансен осколком артиллерийского снаряда тяжело ранен участник демонстрации протеста против учений американских войск студент Д. Охира. События на Окинаве давно уже разворачивались так, что рано или поздно там могло случиться подобное несчастье.

«Опасно! Дорога закрыта». Надпись на желтом щите выведена крупными черными буквами по-английски и повторена японскими иероглифами. Несколько раз в году по дороге № 104, пересекающей Окинаву с запада на восток, проезжает армейский грузовик. У пересечения с дорогой № 329 он останавливается, из кузова выпрыгивают солдаты, ставят желтый щит поперек проезжей части, а рядом разворачивают рацию. Один пост занимает позицию на этом же перекрестке, другой — неподалеку от деревушки Кисэнбару. В это время на полигоне Хансен расчехляют и выдвигают на огневой рубеж гаубичную батарею. Через несколько минут грянет залп, и над дорогой № 104 засвистят снаряды...

Я видел желтый щит, когда ехал из Наго в Кодзу рейсовым автобусом № 22. Автобус отъехал от одноэтажного обшарпанного здания автовокзала и несколько километров катил по широкому асфальтированному шоссе вдоль берега Восточно-Китайского моря. На первой же развязке шофер — пожилой окинавец — свернул налево. За окнами мелькнули бамбуковая роща, небольшая деревушка, кладбище из нескольких старых склепов с потемневшими, похожими на панцири гигантских черепах крышами, поля сахарного тростника. Вскоре по стеклам защелкали ветки сосен. Надрывая видавший виды мотор, автобус полз вверх по немощеной горной дороге. Но вот перевал позади, и навстречу снова побежала лента асфальта.

Слева раскинулся океан, а справа потянулись ряды колючей проволоки с табличками через каждую сотню метров: «Осторожно, территория охраняется сторожевыми собаками». Проволока то спускалась в лощины, то карабкалась на вершины холмов. Лишь в одном месте она уступила несколько соток ровным рядам ананасовых посадок. Маленькая плантация храбро вклинилась в огромные владения лагеря Хансен — крупнейшей базы морской пехоты за пределами США.

Остров Окинава — самое тесное место на земном шаре, гласит официальная статистика. При этом на пятой части острова никто не сеет, не убирает урожай: земля занята американскими базами и полигонами. Для окинавских крестьян остались крутые склоны да болотистые низины.

«Сиронара, — объявил записанный на магнитофон тонкий девичий голос. — Остановка по желанию. Кто хочет выйти, нажмите кнопку, расположенную над сиденьем». В этот момент снаружи раздалось громкое тарахтенье: над автобусом появился вертолет. Сначала он летел вдоль дороги, и нам были хорошо видны опознавательные знаки морской пехоты США. Затем пилот резко взял вправо, и вертолет скрылся за холмами по другую сторону колючей проволоки. Туда уходила узкая проселочная дорога. У поворота в кустах торчал желтый щит на полосатых ножках. В тот день проезд был свободен.

Дорога № 104 невелика — всего 8,8 километра, из них 3,6 километра — по территории полигона Хансен. Это кратчайший путь между городками Онна на западе и Кин на востоке острова. На полпути между ними примостилась деревня Кисэнбару — 63 двора. По дороге № 104 крестьяне добираются к своим полям, подвозят удобрения и инвентарь. Их дети ходят по ней в школу. Если кто-то в деревне заболеет, то по этой же дороге сюда приедет врач. Вот и все ее транспортное значение. В масштабах Окинавы оно ничтожно. Но этот маленький клочок земли стал фронтом борьбы за Окинаву без колючей проволоки.

Первый залп раздался на полигоне Хансен в конце апреля 1973 года. Власти префектуры послали американскому командованию протест. Пока тянулась официальная переписка, на полигоне снова заговорили пушки. Местные жители ответили митингами и демонстрациями. Руководство их движением взяла на себя группа молодых рабочих — активистов Всеяпонского совета борьбы за запрещение атомного и водородного оружия.

Полигон охраняли сотни японских полицейских и американских солдат в пешем строю и на бронетранспортерах. Но утром 20 февраля 1974 года гаубицы успели выстрелить только четыре раза. Демонстранты прорвались через заграждения. Они встали на дороге там, где пролетали снаряды. Орудия замолчали, но после полудня снаряды полетели прямо над людьми. Даже местное командование японских сил самообороны и полиция потребовали от американцев прекратить огонь, но батарея замолкла, лишь когда израсходовали отпущенные ей для учений боеприпасы.

16 октября 1974 года орудия успели до полудня сделать сорок залпов по горе Бу-

НА КАЖДЫЙ ЯЗЫК

людей. Нынешние проблемы отличаются от тех, с которыми имели дело прошлые поколения, — совершенствование ядерного оружия, безоглядная эксплуатация природных ресурсов, нарушение экологического равновесия, все усложняющиеся проблемы «третьего мира»... Международное сотрудничество сможет развиваться нормально, только если разрядка политическая будет дополнена военной. Это единственная разумная альтернатива балансу страха.

КИПРОС КУРТЕЛЛАРИС, ФЕДЕРАЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ КИПРА:
— Изменившееся соотношение сил на международной арене, политика мира, энергично проводимая Советским Союзом, создали благоприятную обстановку в отношениях между государствами с различным социальным строем. Правда, опасность возврата к «холодной войне» полностью еще не устранена, исходит она от гонки вооружений, навязанной народам империализмом. Молодые киприоты стремятся содействовать претворению в жизнь Заключительного акта совещания в Хельсинки. Мы солидарны со всеми, кто борется против фашизма и милитаризма, за национальную независимость, мир, демократию и сотрудничество.

ВИКТОР ШЕЙН, СТУДЕНЧЕСКИЙ СОВЕТ СССР:
— Советская молодежь и студенты видят свою высшую цель в том, чтобы вносить максимальный вклад в борьбу за коренную перестройку международных отношений, за устранение навечно угрозы войны. Увеличение военных расходов, поглотивших во всем мире в 1976 году, по некоторым данным, 334 миллиарда долларов, неизбежно сопровождается сокращением государственных ассигнований на социальные нужды и образование. Гонка вооружений — расссадник идей милитаризма, шовинизма, ненависти. Нельзя допустить, чтобы международная разрядка топталась на месте, не подвигаясь к настоящему разоружению. Необходимо постоянно питать ее новыми инициативами. Мы твердо верим, что реализм в политике и воля к разрядке, солидарность всех прогрессивных сил возьмут верх и человечество шагнет в XXI век в условиях мира.

НА ПОЛИГОНЕ

то, где находились мишени. Раскаленным стволам дали отдых до часу дня. Но к этому времени весь оцепленный участок дороги заполнили демонстранты. На следующий день группа молодежи прорвалась на вершину Буто. Выбить демонстрантов полиция не смогла, и учения пришлось прекратить.

Случаи, подобные этому, повторялись неоднократно — американское командование назначало артиллерийские стрельбы на полигоне Хансен, а затем вынуждено было отменять их, так как демонстранты проникали на его территорию. И вот оно решило пойти напролом. Когда во время очередных учений демонстранты вновь заполнили опасный участок полигона, на батарее раздалась команда «огонь». Студент Д. Охира упал, раненный осколком снаряда.

Спустя несколько дней Совет молодежи Окинавы провел в Нахе, административном центре префектуры Окинава, массовую демонстрацию. Десятки тысяч юношей и девушек с плакатами и знаменами прошли по центральным улицам города. Они требовали прекратить все военные учения на Окинаве и превратить остров в зону мира. Депутаты префектурального собрания и муниципалитета Нахи приняли резолюцию, которая также настаивала на прекращении всех маневров и стрельб.

...Город Итоман в июне становится столицей шумного и веселого праздника рыбаков. Центральное событие дня — соревнование трех лодок. На каждой до сорока гребцов, рулевой и человек с барабаном — он отбивает ритм для гребцов. Но этот же месяц известен и другим днем — 23 июня; тогда Итоман можно назвать городом скорби. В такой же день 1945 года закончилась «битва за Окинаву». 592,5 тысячи человек проживало на островах Рюкю, куда входит и Окинава, в 1944 году. В дымящихся развалинах и на вспаханных бомбами полях главного острова архипелага погибло 110 тысяч японских солдат и 140 тысяч мирных жителей. 130 тысяч остались инвалидами. Из каждой сотни домов уцелело лишь пять. На Окинаве почти нет семей, не заплативших за военные авантюры Японской империи жизнью родных и близких. Тысячи жителей острова приходят в парк Мира Итомана, чтобы почтить память безвинных жертв.

До мая 1972 года американцы правили на острове как оккупанты. За это время здесь не было создано никакой промышленности. Американцы строили на острове много, но не дома для бездомных, не сахарные заводы и не рыболовецкие суда, кормившие когда-то остров. Их строительные площадки обретали очертания взлетно-посадочных полос, пирсов, складских помещений и обрастали рядами колючей проволоки. Так на карте Окинавы появились лагеря Котни, Хейг, Мактереус, Шилдз, Батлер, Дзукэран, Шваб. Самый крупный лагерь — Хансен. По соседству с ровными рядами казарм и плацев — банк, магазин, кегельбан, офицерские и солдатские клубы и даже театр. А рядом — огромный полигон. Шесть тысяч морских пехотинцев разместились в Хансене, а 1676 крестьян потеряли за его оградой свои наделы. Вместо земли им была дарована «арендная плата», чтобы они не умерли с голода.

15 мая 1972 года состоялась официальная церемония передачи власти на острове в руки японской администрации. Окинава стала 47-й префектурой Японии. Но базы остались, как были. В новой префектуре почти ничего не изменилось. По-прежнему это самый отсталый район Японии. Десятки тысяч безработных и десятки тысяч крестьян без земли. Как и раньше, военнослужащие США, совершающие преступления, остаются безнаказанными — их попросту быстренько переправляют на родину. Только и радости, что на базах рядом с американским появился и японский флаг, а на колючей проволоке — надпись: «Вход запрещен японским законом».

После отмены оккупационного режима у власти на Окинаве неизменно прогрессивная администрация. Но если заодно с населением и молодежью Окинавы в борьбе за ликвидацию американских военных баз и полигонов выступает местная власть, то у американского командования покровитель посильнее — само правительство и парламент, где до сих пор большинство у либерально-демократической партии, стоящей за военный союз с США. Голосами ЛДП в парламенте и был принят закон, закрепивший за американскими базами отнятые у крестьян земли.

Срок действия этого закона истекал в полночь 14 мая 1977 года. Добиваясь его продления, правящая партия успела к тому моменту провести соответствующее решение только через нижнюю палату парламента, и, следовательно, огромные территории, занятые военными объектами, должны были перейти к прежним владельцам. Крестьяне толпами повалили в ворота баз. Американское командование сочло за благо не препятствовать им, пока вопрос не утрясется окончательно в Токио. Со слезами на глазах окинавцы гладили, разминали в руках землю, которая столько лет не знала мирной пахоты. Но через несколько дней, пользуясь незначительным большинством, ЛДП выиграла голосование и в верхней палате. Колючая проволока снова встала между землей и ее истинными хозяевами. Тем самым правящие круги Японии

еще раз показали, что интересы Окинавы волнуют их в последнюю очередь.

Но беды и чаяния жителей 47-й префектуры небезразличны демократическим силам Японии. Будучи летом прошлого года в командировке в Осаке, я встречался с местными руководителями Лиги социалистической молодежи. Ребята рассказали о своей работе, о том, как они собираются встретить 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Говорили они и о том, как готовятся к традиционному дню антивоенных действий, проводимому ежегодно 20 октября. Уже в Москве я прочел сообщение о состоявшихся по всей стране выступлениях борцов за мир. С требованиями ликвидации американских военных баз на Окинаве прошли в колоннах демонстрантов сотни тысяч молодых японцев.

...На Окинаве до сих пор вспоминают и, наверное, еще долго не забудут те месяцы — с июля 1975 года по январь 1976-го, — когда в северной части Окинавы, на полуострове Мотобу, работала международная выставка «ЭКСПО-75 — Мировой океан». Больше трех миллионов человек прошли под огромным оранжевым шатром, натянутым над воротами выставочного городка. Десятки флагов различных государств мира, как почетный караул, встречали входящего. Побывав в павильонах, люди не просто узнавали что-то новое об освоении морских глубин — они уносили чувство, что все они жители одной планеты Земля, что у них один на всех Мировой океан и все народы должны беречь его, как общую сокровищницу, а для этого необходим мир. О том, что это непростое дело, постоянно напоминали «фантомы» американских ВВС, лишь в пяти километрах от ЭКСПО сбрасывавшие учебные атомные бомбы на полигон острова Иэдзима, и станция дальней связи сухопутных войск США на горе Яэ, угрюмо высившаяся над выставкой.

Вещи иногда бывают красноречивее слов. В павильоне Окинавы небольшая экспозиция была посвящена минувшей войне и послевоенной разрухе. Не было ни цифр, ни пространных пояснительных надписей. Свидетельствовали сами предметы быта того времени: стаканы и колокольчики из бутылок кока-колы; самисэн, национальный струнный инструмент, сделанный из пустой консервной банки; нарядные светильники из солдатских фляжек; подвенечное платье, чей искусный покрой не мог все же скрыть швов десантного парашюта. Собранные вместе, эти вещи доносили до посетителей мысль, которую не так-то просто выразить словами, — мысль о том, что люди всегда искали и находили пусть маленькие, но радости жизни наперекор всему — голоду, болезням, разрухе. Что мир несравнимо естественнее для человека, чем война.

Вся Окинава жила тогда выставкой. Ее эмблему — три белых гребешка волн на ультрамариновом круге — можно было встретить всюду: на дорогах, стенах домов, тысячах сувениров. Префектура надеялась сделать за счет ЭКСПО скачок из бедности. Пытались «выйти в люди» и жители острова. Те, у кого были сбережения, строили маленькие гостиницы и ресторанчики; у кого была неподалеку земля, ровняли ее под автостоянки. Кто имел только рабочие руки, искал на выставке работу. Некоторым везло. Скажем, молодым парням, которые указывали машинам путь к стоянке. Но их «везение» длилось, как правило, недолго. Трудно стоять бессменно на 30-градусной жаре при влажности 85 процентов. Не помню, чтобы кто-нибудь выдержал больше двух недель.

Выставка — это приток туристов, а туризм для Окинавы бог. Около миллиона жителей основных островов приезжают сюда, надеясь увидеть чистое море и небо, непохожие на японские обычаи и танцы, услышать песни на местном языке. Туризм дает Окинаве в два раза больше поступлений, чем традиционные отрасли местной экономики — производство тростникового сахара и выращивание ананасов. Но на Окинаве знают, что их префектура будет отсталой экзотической окраиной до тех пор, пока с земли не будет удалена раковая опухоль военных баз.

На острове 62 военных объекта США — от крупнейшей на Дальнем Востоке авиабазы Кадэна до станции связи на горе Яэ. На базах расквартированы свыше 34 тысяч американских военнослужащих, в том числе полностью 3-я дивизия морской пехоты. 3-я дивизия и авиабаза Кадэна, откуда B-52 несли смерть городам и селам Вьетнама, — это 95 процентов всех американских сил на острове. В их задачу входит нанесение быстрого удара по любому району Азии и Тихого океана.

— Взгляните, — американский сержант Мунди, среднего роста симпатичный брюнет, черноглазый и с черными, как смоль, усиками, быстро набросал на бумаге контуры Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. — Окинава — центр района большой стратегической важности.

К Филиппинам, Гуаму, Гавайям, Токио, Южной Корее, Тайваню, Малайзии, Индокитаю и Индонезии он прочертил стрелки. Окинава стала похожа на спрута, вытянувшего в разные стороны щупальца.

— Если что-нибудь произойдет здесь, или тут, или там, — сержант ткнул в концы «щупалец» шариковой ручкой, — нам легче всего послать войска именно с Окинавы. Три дня дается морской пехоте, чтобы развернуть боевые действия на любом тихоокеанском или азиатском военном театре.

Мы сидели за столиком в советском павильоне ЭКСПО. Я сам напросился на этот урок географии, и сержант преподнес его так, как его самого учили на базе.

Каждый солдат проходит на Окинаве «тест на выживание». Его оставляют один на один с джунглями без пищи и винтовки. С собой дают лишь карту и нож. Инструкторы-специалисты по партизанской войне учат, как добывать пищу и находить воду. Об этом мне рассказали сами американские солдаты. Они живут в постоянном ожидании приказа собирать вещмешки.

— Даже приличную стереосистему не купишь, — пожаловался мне один меломан из морской пехоты. — Здесь они намного дешевле, чем в Штатах. Деньги-то есть, но кто знает, куда меня пошлют хотя бы на следующей неделе.

На выставке я работал гидом нашего павильона, и разговаривать с посетителями приходилось постоянно. Многие американцы, впрочем, помалкивали. Очевидно, на базах их припугнули. В местной газете «Рюкю симпо» я прочитал, что накануне открытия ЭКСПО американское командование разослало по всем базам директиву. В ней говорилось, будто в павильонах социалистических и ряда развивающихся стран работают «кадровые шпионы», а наше научно-исследовательское судно, чье прибытие с нетерпением ждали на выставке, описывалось как... «плавучий центр сбора разведданных».

Я спрашивал некоторых солдат, что привело их в морскую пехоту. Иногда отвечали так: «Люблю путешествовать, посмотреть мир». Кое у кого на куртках красуются красно-желтые нашивки с названиями мест, где пришлось служить: Панама, Гуам, Филиппины, Южная Корея, Тайвань, Окинава, несколько американских штатов. Солдат приучают к всевозможным климатическим условиям, чтобы они в случае чего могли воевать, как поется в гимне корпуса, «от чертогов Монтесумы до берегов Триполи». Нашивки уставом не предусмотрены. Их носят во время увольнений, а покупают за воротами базы.

У одного парня на зеленой нейлоновой куртке под надписью «морская пехота США» я увидел могильный холмик с воткнутой в него винтовкой М-16. На прикладе болталась пробитая каска. Завершалась композиция словами популярной антивоенной песни «Куда ушли солдаты?».

— Да, меня посылали во Вьетнам, — разрешил мое любопытство обладатель необычной вышивки. — Вы даже представить себе не можете, сколько горя мы принесли этой стране. Эх, если б все деньги, потраченные там Пентагоном, бросить на войну с бедностью! А сколько погибло там! Один наш журнал взял средний доход американца за год, средний возраст убитых во Вьетнаме американских солдат, среднюю продолжительность трудовой деятельности — все среднее, только число похороненных на Арлингтонском кладбище реальное. Сначала журнал подсчитал, сколько в среднем лет каждый убитый мог бы трудиться «на благо страны», потом перемножил полученное число на количество свежих могил и среднегодовой заработок. Таким образом была подсчитана астрономическая сумма наших людских потерь в долларах, если жизнь можно измерить в денежных знаках.

В моем блокноте сохранилась запись разговора с молодым японцем по имени Хига, механиком на одной из американских баз. Он сказал мне, что, как и подавляющее большинство его соотечественников, хочет жить на мирной Окинаве без баз и полигонов. Правда, лично для него такая перспектива означает потерю нынешней работы и поиски — возможно, долгие — нового места.

— Это так, — сказал Хига. — Но зато наш остров будет свободным, а трудности мы постепенно преодолеем. Пусть американцы приезжают к нам как туристы, мы гостеприимный народ. Но сейчас они оккупанты. Оккупанты для Окинавы и жандармы для всей Азии. Их «порядок» — для нас отсталость и нищета.

Вероятно, так же рассуждал и студент Д. Охира, раненный осколком американского снаряда. Иначе бы он не был в тот день на полигоне Хансен.

И последняя запись того времени в дневнике, который я вел.

Упали в море огни прощального салюта ЭКСПО, и весь остров, казалось, погрузился во мрак. Я возвращался в гостиницу и увидел на помойке возле дороги людей, которые что-то искали с помощью карманных фонариков.

Ко мне подошел мужчина лет сорока пяти и спросил вполголоса:

— У вас не найдется пустых бутылок из-под пива? Мы с женой тоже работали на выставке. До этого никакой работы у нас не было, нет ее и теперь.

Нет на Окинаве более неблагодарного бизнеса. За ящик сданных бутылок они получат лишь сто иен, а буханка хлеба стоит сто сорок. Не получилось пока у Окинавы скачка из бедности... А люди в иностранной военной форме по-прежнему, когда считают нужным, перегораживают дорогу № 104 желтым щитом с надписью: «Опасно! Дорога закрыта».

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

РАССКАЗЫВАЕТ КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ БЮРО ЦК ВЛКСМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БММТ «СПУТНИК» Б. РОГАТИН

В этом году исполняется 20 лет со дня основания Бюро международного молодежного туризма «Спутник». Наш корреспондент обратился к председателю Бюро Борису Николаевичу Рогатину:

— Борис Николаевич, человек, и это совершенно естественно, не помнит своего дня рождения — за него это делают другие... С организациями этого, как правило, не случается. «Спутник» родился 3 июня 1958 года. Как это случилось?

— «Спутник» родила сама жизненная практика. В 1957 году в Москве проходил VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Страна принимала гостей из многих стран, и уже тогда возникла идея о создании специализированной организации, которая помогла бы сближению молодежи разных стран. «Спутник» и стал ею.

— А название?

— Это было счастливым совпадением. Название в буквальном смысле упало к нам с неба. В 1957 году полетел наш спутник, а год спустя родился его земной брат. Здесь есть своя символика: появление возможности космического взгляда на нашу планету и возможность для молодежи мира увидеть мир. Эта космическая тема, кстати, не погасла и в дальнейшем. Наши болгарские друзья, например, назвали свою организацию «Орбита». Есть и другие лингвистические вариации на космическую тему, хотя и не совсем прямые. Это не случайно. Годы космического взлета человека связаны по времени с возникновением организованного международного молодежного туризма. В 1957—1958 годах были практически созданы главные и ныне существующие бюро путешествий молодежи в социалистических странах и в ряде капиталистических. Так что 20-летний юбилей принадлежит не только нам, а всему организованному международному молодежному туризму.

— Какова же была динамика развития «Спутника»?

— Одной из первых широких акций можно назвать поездки туристских групп на VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вену. Затем практика показала, что просто невозможно развивать международный туризм в отрыве от внутреннего. Да и наша материальная база диктовала нам это сочетание. Надо было отойти от привычного по тем временам сезонного туризма. Слишком большая роскошь не использовать хорошо подготовленную базу круглогодично. Мы все постепенно убеждались в том, что вряд ли правильно такое распределение: лето — время для интуриста, зима — его засыпание и одновременно время для туриста нашего. Разумеется, дело было не только в использовании гостиниц. Уже началось осмысление молодежного туризма, и идея совместного развития как внутреннего, так и международного туристского движения была как нельзя кстати. Так «Спутник» постепенно перерос в уникальную международную организацию, которая занимается как организацией внутреннего туризма, так и внешнего, на параллельных, так сказать, маршрутах. И сейчас формы этого совместного туризма постоянно развиваются. Например, наши международные молодежные центры — а их уже 19 — это уже новые формы туризма и молодежного общения.

Но развитие пошло сейчас дальше. Из новейших форм можно назвать наши специализированные туры. Нетрудно понять, что для молодого туриста отдых и общение с «себе подобными», с людьми той же профессии, куда богаче, нежели общение с людьми случайными. Теперь мы уже говорим нашим зарубежным партнерам: «Вы хотите прислать к нам учителя, делайте это в июне. Как раз у нас заезд в Сочинском или Крымском международном молодежном центре». Это будет уже не только отдых, это будет профессиональное общение.

Одновременно росли и наши международные связи. «Спутник» начал с сотрудничества с 8 странами и с де-

XVIII ВЛКСМ СЪЕЗД

сятком туристских бюро. Сейчас он сотрудничает с 80 странами и более чем 450 туристскими организациями.

— Этот процесс роста шел ровно?

— Наиболее активно он шел в последнее десятилетие. Это было прямым результатом четкой политики нашей партии на разрядку, сотрудничество в сохранении мира, на уничтожение последствий «холодной войны». Заметьте, даже сейчас в некоторых странах бытует мнение, что поездка в Советский Союз чуть ли не государственное преступление. Да и в самом деле для молодежи этих стран поездка к нам до сих пор связана с реальной угрозой для их политической репутации. Таково влияние сил, выступающих против разрядки. И все-таки они едут к нам.

Мы уже преодолели трехмиллионный рубеж и в 1977 году обслужили свыше трех миллионов советских и зарубежных туристов. Такой объем по плечу только очень крупной туристской организации.

— С кем вы можете сравниться?

— Нет таких молодежных туристских организаций в мире, которые работали бы в подобных масштабах.

— Каков по содержанию «спутниковский» туризм, скажем, в сравнении с туризмом коммерческим?

— Наш туризм, я бы сказал, работает на будущее. Мы даем туристу знания, которые он применит в своей будущей жизни. Это в противовес туризму коммерческому, который, в сущности, работает на прошлое. Сегодня в мире наиболее развит туризм пожилых людей, цель которых лишь наслаждение виденным. У них есть деньги, они накопили их, и им надо их потратить, получив максимальное количество наслаждений. Иное дело жажда знаний, склонность к живому восприятию, сравнению, формированию точки зрения, а это в первую очередь прерогатива молодежи.

Мы работаем именно на этот туризм. Наша задача противоположная с коммерческим туризмом. В этом и наша цель, и наша сложность. Любознательность и ум удовлетворить куда труднее, чем жажду удовольствий, даже самую изощренную.

— При самокритичном взгляде насколько вы удовлетворяете эту жажду в познании?

— Честно сказать, еще очень много нераскрытых возможностей. Путь удовлетворения духовности бесконечен. Обратимся к примерам. Сейчас в мире около 20 миллионов изучают русский язык. Прямо скажем: колоссальный интерес. Он вызван прежде всего тем, что страна, носитель этого языка, зовется Советским Союзом; его социальными и экономическими достижениями. Мы многое уже сделали, чтобы удовлетворить этот интерес. Мы начали с единичных групп, а в 1977 году приняли 2100 молодых людей, которые ищут совершенствования своего русского. Двадцать вузов у нас принимают их. К тому же мы создаем специальные базы в Пятигорске, Ярославле, но это лишь малая толика того, что нам предстоит сделать.

— У вас 450 партнеров в разных странах. Много это или мало в мировом масштабе?

— Никакая страна в мире не сотрудничает так широко и на такой широкой политической основе, как наша. Я предлагаю посмотреть с другой стороны. Ведь что такое контакты? Сначала надо создать условия для них. Так что все начинается с материальной базы. В мире нет другой туристской организации молодежи, располагающей базой, подобной нашей. Мы можем принимать десятки тысяч молодых туристов из-за рубежа. Это сейчас. И возможности наши растут.

— Кто же пользуется этим? Кто, собственно, путешествует?

— Совсем недавно мы обменивались подобной информацией с молодежными туристскими организациями социалистических стран. Результат таков: 50 процентов выезжающих за рубеж — это рабочие и крестьяне. Подчеркиваю, не вообще работающие, а. как говорится, от плуга, от станка. Вообще же работающих свыше 70 процентов, остальные учащиеся. Ни одна капиталистическая страна не создает даже чуть похожих условий для выезда молодых рабочих за границу, именно для путешествий.

Да, есть на Западе правительственные организации, которые иногда стимулируют поездки, скажем, студенческой молодежи, есть министерские субсидии для поездок студентов на практику. Но ни одна капиталистическая страна не субсидирует путешествий рабочей молодежи. За все 20 лет существования у «Спутника» не было случая принять хотя бы одного, я подчеркиваю — о д н о г о американского рабочего. Не было этого рабочего. К нам приезжают студенты, состоятельные люди. Рабочий же человек не может себе этого позволить. Наша же страна создает возможность для поездок не только нашей молодежи, но и для приезда иностранной к нам. Это парадокс, но такая богатейшая страна, как США, ни разу ни под каким видом не сделала скидки в оплате путешествий нашей молодежи по США. Наша же страна дает такую скидку и для молодежи американской. Аэрофлот делает скидку в 30 процентов, железнодорожный транспорт — в 50. И это распространяется и на советских и на иностранных туристов.

Еще надо учесть и то, что все финансовые потрясения капиталистического общества отражаются и на молодежном туризме. В том числе это затрагивает — вот уж совершенно незаслуженно! — и нашу молодежь, отправляющуюся в путешествие. Цены за рубежом постоянно растут. Так, сегодня ряду наших американских партнеров мы платим 50 долларов за день пребывания нашего туриста. Из США же приезжает к нам турист, и мы берем с него 10 рублей в день. Вот такой коэффициент — 1 к 5 — существует сейчас. И не только по США. Чьи же, спрашивается, двери открыты для молодого туриста и чьи едва отворены? И кто же фактически за контакты молодежи?

— Скажите, пожалуйста, сколько наших молодых людей выезжает в путешествия за рубеж ежегодно?

— Около 150 тысяч. Это много, но это и мало в сравнении, скажем, с нашим 36-миллионным комсомолом. И, естественно, при таком соотношении поездка за рубеж — это награда за труд, за общественную деятельность. Но я подчеркиваю: мы не можем отправить значительно больше, так как мы хозрасчетная организация, и не наша вина в том, что тот же американский партнер берет, а вернее сказать, дерет с нас в пять раз больше за совершенно равноценную с точки зрения набора услуг поездку. Поэтому, естественно, американских туристов приезжает к нам больше, нежели наших едет туда. Так что если кто-то на Западе ратует за то, чтобы больше нашей молодежи выезжало в путешествия, то ратовать-то надо за создание равноправных условий, и только за это.

И все же наша молодежь путешествует. Надо учесть еще, что у нас существует весьма обширная система льготных путевок, государство дает также скидки на проезд, оплачивая часть стоимости авиабилета, — например, в поездках на Кубу, в Индию скидка до 75 процентов. Таким образом, очень дорогое путешествие становится доступным для нашего молодого человека.

— Борис Николаевич, заглянем немного вперед... Каково будет участие молодежи в Олимпиаде-80?

— «Спутник» равноправный партнер среди трех наших туристских организаций и на равных будет принимать туристов. Мы сделаем все, чтобы программа туристов принципиально отличалась от всего того, что было на других Олимпиадах. Идея состоит в том, чтобы сделать туриста участником игр. Мы дадим ему возможность соревноваться и даже получать медали. Наши медали — «спутниковские». Так что если какая-то страна не получит вообще никаких медалей, то нашу-то получит, пусть это будет, скажем, успокоительная медаль.

— Мы говорили о том, кто едет за рубеж. Логично спросить — зачем?

— Ответ, как вы понимаете, очевиден: мир посмотреть, расширить свои знания и впечатления, обогатить свою культуру и знания. Тут, впрочем, мудрая русская поговорка добавляет еще мысль: себя показать. Могу спокойно и уверенно сказать: наши молодые туристы в этом «себя показать» видят не бахвальство и мещанскую кичливость, а глубокий моральный долг показать себя советским гражданином, человеком советской культуры и идеологии.

— Борис Николаевич, маршруты «Спутника» разнообразны, и, вероятно, случаются поездки просто необычные?

— Как вам сказать? Мы в «Спутнике» как раз прилагаем все усилия, чтобы никаких ЧП с нашими туристами не случалось. Однако в мире нестабильности, в который попадают туристы, едущие в капиталистические страны, случается разное, порой неожиданное. «Мир капитала», «происки империализма» — это не просто газетные клише, это все реальности, с которыми приходится сталкиваться и нашим туристам из Воронежа, Перми или Махачкалы. Был, к примеру, случай с одной из наших групп — она ездила по маршруту Кипр — Ливан, — из ряда вон выходящий. Но и в том случае сказался советский характер нашей молодежи. Недаром после этой поездки все ее участники были награждены грамотами ЦК ВЛКСМ за проявленные отвагу и мужество...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕОБЫЧНОЙ ПОЕЗДКИ

РАССКАЗЫВАЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ ТУРИСТСКОЙ ГРУППЫ Э. ХАЧАТУРОВ

— Мы прилетели в Прагу поздним утром, — рассказывает один из руководителей туристской группы, Эдуард Хачатуров. — Было ровно 10.20, когда наш самолет приземлился, и в Праге шел дождь. У меня привычка вести записи в таких поездках.

Потом — в какое-то совсем неожиданное для себя время — вдруг откроешь их и вспомнишь то, что, казалось, ушло из памяти совсем.

В 17.05 мы вылетали в Никозию. Было 9 июля 1974 года...

В половине второго ночи мы уже приехали в Киринею и, уставшие, повалились спать. Впереди у нас были дни выступлений, потому что вся наша группа состояла из студентов Кировоградского педагогического института, это был студенческий ансамбль «Юность», а пригласила нас Единая демократическая организация молодежи Кипра — ЭДОН, и они, конечно же, хотели, чтобы ансамбль посмотрело как можно больше молодежи и рабочих.

Первое выступление ансамбля было перед рабочими кофейной фабрики в Никозии. В зале сидели наверное, все или почти все рабочие фабрики, да к тому же многие пришли с семьями. Ребятишки носились по залу без всякого стеснения и смеялись и радовались всему, что происходило на сцене, так откровенно, что казалось, выступление никогда не кончится — нельзя же было взять и перестать петь и танцевать и словно бы обмануть их, а они, конечно же, могли глядеть на это веселье вечно.

На следующее выступление нас повезли в деревню Кити. Был уже вечер, но нам захотели показать знаменитую местную церковь с великолепными иконами, которые наверняка объехали полмира, их привозили и в Москву. Церковь уже была закрыта, но специально для нас ее отворили. В деревне шло гулянье, нас ждали. Все это происходило прямо на улице — стояли накрытые столы, вокруг столов сидели семьями, для нашего выступления сбили прямо тут же, перед столами, помост из неотесанных досок, и началось совсем уж веселье. Было половина второго ночи, когда ансамбль милостиво отпустили с этой импровизированной сцены, а в гостиницу мы и вовсе попали только на рассвете.

Дни шли, ребята начали разучивать несколько местных танцев, и скоро их можно было показывать, а это всегда приятно и неожиданно для зрителей, это как гость, в совершенстве говорящий на языке хозяев, — хорошо не только ему, от него хорошо всем.

Наступило 15 июля. Вот что я успел записать: «Завтрак в 7.30 и выезд в Никозию... В 8—10 милях от Никозии встречные машины подают нам какие-то знаки, но мы едем вперед. Вдруг на дороге встречают солдаты (они нас обгоняли на нескольких машинах). Они вооружены, заставляют повернуть обратно. Водитель просит разрешить заправиться, иначе мы не доедем, а бензоколонка вот она, в двадцати метрах. Не разрешают, стреляют в воздух. Долго плутаем, ищем бензин... Наконец нашли. Успели проскочить в Киринею, дороги перекрыты. Возвращаемся в гостиницу. Радио объявляет, что президент Макариос убит (9.30). Потом оказалось, что это ложное сообщение. Связи с Никозией нет. Приехали товарищи из посольства, объяснили ситуацию — на острове начался путч, подготовленный греческими «черными полковниками», есть угроза вторжения турецкой армии. В городе одиночные выстрелы, объявлен комендантский час. Ужин. Приходится экономить, нет хлеба».

«14.00. С риском для жизни к нам приехал (машина прострелена) наш вице-консул. Сказал, что пытаются нас вывезти, но это пока невозможно. Ждать».

Следующий день был тихий. Люди не хотят верить в плохое и легче верят в хорошее и ждут его. Поэтому, наверное, все, кто жил в гостинице, надеялись, что все тревожное позади, однако уходить далеко от гостиницы все же побаивались. Многие из живших там видели до этого, как наши ребята репетировали во дворе, приходили смотреть, расспрашивали. А теперь к нам заявилась целая делегация во главе с хозяином гостиницы: а не угостим ли, мол, мы всех жителей гостиницы концертом? Шел день, когда мы должны были лететь в Ливан, но аэропорт не работал. Кажется, это был самый невеселый из наших концертов, мы даже и не хотели давать его, но очень уж все просили...

Сейчас, как и тогда, могу сказать совершенно определенно: мы были уверены, что с нами ничего не случится. Но предпринимать что-то для своей безопасности было нужно. Я осмотрел гостиницу — по образованию я строитель, — и мы все перешли в самое надежное место — в шестнадцатиметровую комнату на первом этаже. На лестнице у входа в гостиницу — там был как раз и телефон — устроили круглосуточное дежурство. Это нам посоветовали из посольства. Менялись через каждые полтора часа, и днем и ночью. Так продолжалось четверо суток, и ни разу, как вспоминаю сейчас, тому, кто дежурил внизу, не приходилось идти и поднимать следующего заступавшего на дежурство. Каждый знал свое время и приходил сам.

Электричества давно уже не было, холодильники перестали работать, и вся еда моментально испортилась, пришлось ее попросту выбросить. У нас оставался пакет гренок — килограмма два — и это на сорок одного человека. И эти несчастные крошечные гренки ребята все время пытались всучить друг другу, только бы случайно не взять себе хоть крошкой больше.

Я вообще убежден, что самой жизнью в наших молодых людях заложено человеческое, заботливое отношение друг к другу. Ведь это были студенты, люди девятнадцати-двадцати лет... Войну-то видели только в кино.

«20.VII. Проснулся в пять утра. Очень плохо спал. В море стоят военные корабли. Решил разбудить всех ровно в 5.30, а в 5.20 началось. «Фантомы» пикируют, бросают бомбы и стреляют из пулеметов. Взрывы прямо рядом. Все иностранцы уже внизу. Кто в чем, голые, одетые, с бутылкой виски, с чемоданом... После обстрела началась высадка десанта вертолетами под прикрытием самолетов. Все это чуть выше нас, над городом».

Все, кого только можно было предупредить, разумеется, были предупреждены нашим посольством, что в гостинице находимся мы, русские. Между тем в гостинице уже случилось несчастье — несколько английских туристов отправились в затишье искупаться в море и были убиты. Какая-то глупая бравада... Глупость вообще нехороша, но, когда она оканчивается смертью, это страшно. Уже через несколько часов боев в городе было совершенно ясно, где во дворе ходить опасно. Были еще, правда, и бомбы, их не учтешь, но мы понаблюдали за тем, как во дворе ложатся пули и осколки, и выделили мертвую зону — ходить можно было только там, и нигде больше. Мы так и делали. Мы тут же поделились своими наблюдениями со всеми, кто был в гостинице. И вот это несчастье...

Да, одна важная деталь. Нам постоянно звонили какие-то неизвестные нам киприоты. Человек не называл себя, но его голос мы уже узнавали. Ясно, он ничего не мог сделать для нас, но он постоянно справлялся о том, как мы чувствуем себя, и все успокаивал нас, говорил, что все знают, что в гостинице русские и что никто не сделает нам ничего плохого. Он звонил все эти дни. А потом произошло такое, что некоторые наши девочки просто расплакались. Где-то на четвертый день во время затишья к нам прорвались на двух мотоциклах совсем неизвестные два человека. Они привезли нам семь буханок хлеба. Мы окружили их, расспрашивали, но они только улыбались. Даже не хотели сказать, как их зовут. Они уже вскочили на мотоциклы, чтобы уехать, когда одна наша девушка подбежала и поцеловала их. «Ничего, — сказала она, — раз они позабыли, как их зовут, то уж этого они не забудут!» Думаю, что и правда не забудут. Хорошо она это сделала, очень.

Между тем о нас уже шли переговоры на уровне правительств. Английские корабли стояли в 20 милях от берега и ждали затишья, чтобы эвакуировать своих туристов. По договоренности они должны были взять и нас.

Шел уже четвертый день. Ближе к полудню стрельба, как обычно, немного утихала — мусульмане на острове молились. И тут перед гостиницей появилось несколько человек. Мы даже успели зачем-то пересчитать их, пока они шли к нам, их было девять. По одежде было видно, что они долго пробирались по городу, через развалины и взрывы. Если говорить честно, то в гостинице ни один человек не обрадовался их появлению. Им явно надо было укрыться, да они и сразу сказали об этом. Их появление было концом нашего нейтралитета, все понимали это, и первой мыслью было, как избавиться от них. Кстати, и они только просили и готовы были к отказу. Но сейчас я говорю об этом дольше, чем мы тогда размышляли. Это были эдоновцы, ведь это они нас пригласили и принимали, теперь вдруг они стали гостями, а мы вроде бы хозяевами. Их надо было укрыть, деваться им было просто некуда. Надо было сделать их похожими на нас, и девчата занялись этим: достали где-то ножницы, быстро постригли их, наши ребята же отдали им свою одежду, кто что, кому что подходило по размеру. Теперь, когда все мы — теперь уже нас было пятьдесят — сидели на лестнице, их невозможно было отличить от нас. Они настолько растрогались тем, как их приняли, что сказали: «Ночью мы уйдем». Но им не удалось уйти в эту ночь...

Дальше я лучше прочитаю... «23.VII. 5 утра. Утро тихое. Выше нас постреливают. Из посольства сообщили, что в 7.00 к нам придут английский капитан и два матроса для обсуждения порядка эвакуации. Пришли. Капитан говорит, что ему приказано вывезти нас первыми. Отказываемся. Настаиваем на таком порядке: сначала убитые, потом раненые, потом женщины... Капитан недоумевает, но соглашается. Наконец мы идем цепочкой к пристани. Вокруг машины ООН с ранеными... В военных вертолетах по двенадцать мест».

А потом на английском корабле нас попросили дать концерт для всех беженцев. Какой это был гопак! Костюмов, правда, не было, мы их оставили на острове. Капитан предложил нам взять в вертолет только по одной вещи — мы взяли музыкальные инструменты.

...Кстати, потом мы совершенно случайно узнали, что те девять человек остались живы.

•

Беседы вел и записал Ю. СТЕПАНОВ

Перед вами три зарисовки с натуры, три словесные фотографии, сделанные в США — американцами, в ФРГ — западными немцами. На первый взгляд их сюжеты нигде не пересекаются. Но точка пересечения сейчас же отыщется, если задать вопрос «почему!». Почему в обществе «социального благоденствия» гарлемские негры умирают от переохлаждения! Почему, клянясь в миролюбии, это общество прививает обывателю вкус к милитаризму и этакую легкость в глумлении над чужой историей! Почему, наконец, его «свободы» включают свободу для полицейского стрелять в кого попало! Ответить можно кратко: потому что в этом проявляется суть капитализма.

«МЕЛОЧИ ЖИЗНИ» КРУПНЫМ ПЛАНОМ

2000 КЛАУЗЕВИЦЕВ

Дэвид ТИПМОР,
американский журналист

Вагнер-колледж на острове Стейтен в Нью-Йорке на три дня превратился в арену жарких баталий: здесь состоялась третья национальная выставка настольных военных игр. 2000 мужчин «с военной жилкой» утоляли свой боевой зуд, разыгрывая гражданские войны и морские кампании, воздушные битвы и тактические «марш-броски». Склоняясь над схемами, снабженными координатной сеткой (все как взаправду), они в считанные часы переиначивали ход истории.

Согласно статистике, собранной компанией «Симулейшн пабликейшнз» — крупнейшим в мире производителем «исторических симуляций», или настольных военных игр, ее клиенты — чаще всего мужчины в возрасте от 18 до 35 лет, закончившие колледж, женатые, белые, с годовым доходом 15 тысяч долларов и настолько влюбленные в свое хобби, что имеют по 20—30 комплектов игр, каждый из которых стоит не меньше десяти долларов.

Я оказался у столика, за которым сражались Билл Скотт и Фрэнк Прейсл. Они провели уже шестнадцать часов за игрой под названием «Сталинград».

— Мои комми [1], само собой, красные фишки, — пояснил мне Билл, — а фашисты Фрэнка синие. Посинели от агрессии, ха-ха!

Билл — добродушный увалень лет тридцати с небольшим. Сейчас работает в отцовской слесарной мастерской в Нью-Джерси, но намерен перебраться в горы Вирджинии.

— Хочу сделать бомбоубежище на случай атомной войны. Вирджиния — место надежное, лучше не сыскать.

Фрэнк, преподаватель Мичиганского государственного университета, где он читает курс рекламы, в этот момент захватывал мост стратегического значения под Смоленском. В разгар операции он поднял голову и произнес:

— Некоторые любят наполеоновские войны, но самая популярная все-таки вторая мировая.

Тем временем позиция на карте зашла в тупик. Фронт тянулся от Ладожского озера до Каспийского моря. Игроки сдабривали каждый ход энергичными репликами — таков здесь, как я понял, общепринятый этикет.

— Я к этой игре пристрастился уже давно, на офицерских сборах, — мимоходом обронил Билл, придвигая три русские армии поближе к Двине. — Один парень показал мне, как надо играть. Сейчас он, между прочим, агент ЦРУ.

Среди крупнейших компаний, производящих настольные военные игры, — «Эс-Пи-Ай» и «Авалон хилл»; первая в своей продукции, например, «Шоссе в «третий рейх», делает акцент на исторической достоверности: дислокация войск подчинена определенным правилам, требуется учитывать и погодные условия. Изделия «Авалон хилл», такие, как «Сталинград», «Дипломатия», «Империализм», больше ориентированы на «игровое начало».

— Игры у «Авалон хилл» хороши тем, что можешь сочинять собственные правила, — сказал человек в тренировочном костюме и парике. — Взять «Ватерлоо» «Эс-Пи-Ай». Правила для артиллерии там никуда не годятся. А «Сталинград» — другое дело. Вот если ввести турецкие войска... [1]

— Вся игра развалится, — вставил Фрэнк.

— ...то это заставит русское командование отступить, — невозмутимо закончил Тренировочный костюм.

— Обороняться всегда труднее, а мне как раз приходится, — произнес Билл. Он всмотрелся в позицию: — Ба! — воскликнул он с деланным испугом, увидев, как Фрэнк передвинул четыре синие фишки, обозначавшие 250-тысячную группировку фашистских войск, а также 4-ю и 5-ю танковые дивизии. — Не рассказывайте мне о генералах, которые побеждают без кровопролития!

— Кто это сказал? — навострился Фрэнк.

— Клаузевиц.

Прусский генерал Карл фон Клаузевиц (1780—1831), чьи идеи вдохновляли Германию развязывать самые страшные в истории Европы войны, обожаем игроками за его вклад в дело практического применения военных игр. Стратег Клаузевиц, однако, не мог предвидеть одной весьма острой тактической проблемы: все эстетически привлекательные баталии прошлого использованы, и потому творцам настольных игр приходится постоянно изобретать будущие войны и будущие битвы: например, «Цель: Москва. Победа над советским коммунизмом» или: «Дикси: гражданская война в США XXI века».

— А как вы распоряжаетесь погодой? — полюбопытствовал я.

— Бросаем кость, и пожалуйста: ясно, слякоть, снег, что угодно, — и Фрэнк разъяснил мне сложную систему подсчета очков, с помощью которой определяется погода каждого дня на русском фронте.

— Ну-ка, где тут мой хваленый русский мороз? — забормотал Билл, собираясь метнуть кубик.

В этот момент из-за соседнего столика, где играли в «Африканский корпус», поднялся воинственного вида молодой человек и подсел к нам.

— Кейт Шуз, Шриллер-парк, Иллинойс, студент, — представился он.

Кейт пока настоящего пороха не нюхал, но хорошую битву он по описанию в книге определит мигом. Из тех кампаний, о которых он читал, больше всего ему нравится «Падение Франции».

— «Падение Франции», вот это да! Вот было дело! — восхищался Кейт. — Такой изящный фланговый обход через Голландию и Бельгию, три недели — и баста! Конечно, эта операция не так великолепна, как в Дании — там управились за восемь

---

[1] *«Комми» вместо «коммунисты» — жаргон американской военщины. (Примеч. ред.)*

[1] *Как известно, после нападения гитлеровской Германии на СССР Турция объявила себя нейтральной. В феврале 1945 года, когда конец фашистских захватчиков был предрешен, она формально объявила войну Германии. (Примеч. ред.)*

дней, — но она показала, как отстали союзники. Об этом бы вспомнить Соединенным Штатам. У русских сейчас, говорят, большой перевес в танках.

Сюда едут отовсюду, — продолжал Кейт. — Всех влечет желание бросить вызов истории, попытаться улучшить ее. Например, если бы немцы правильно распорядились своими войсками, они продержались бы до 1946 года, а там — атомная бомба. Есть даже игра, в которой немцы выигрывают! Она называется...

В этот момент Фрэнк передвинул более миллиона фашистских солдат и тысячу танков:

— Теперь и Ленинград возьмем, и блокаду Москвы устроим.

Билл воздел руки вверх:

— Стреляй! Я понадеялся на победу под Сталинградом... А теперь твои синие победили.

Оба засмеялись.

Перевел с английского
П. ИЛЬИН

„ОН УБРАЛ ПИСТОЛЕТ И УШЕЛ“

Наша полиция широко применяет самое гуманное, по ее мнению, оружие для разгона демонстраций — так называемую «химическую дубинку». Речь идет о миниатюрном приборе американского производства, похожем на безобидный аэрозольный баллончик, но начиненный газом «Кемикл Мейс MKV». В служебной инструкции для гессенской полиции, которая первой в ФРГ получила «химическую дубинку», указано, что вещество, выбрасываемое прибором, содержит хлорацетофенон и «применяется для временного выведения из строя нападающей стороны; вызывает раздражение глаз, кожи, полости рта». Такое «ограниченное» воздействие обеспечивается при условии точного выполнения инструкции: минимальное расстояние — два метра, максимальная длительность отдельного «выстрела» — одна секунда. Ни в коем случае нельзя применять прибор в небольших помещениях и направлять струю противнику в глаза.

Трудно поверить, что полицейские в пылу борьбы скрупулезно следуют пунктам этой инструкции. И действительно, в Брокдорфе при разгоне демонстрации в марте 1977 года они целились распылителем как раз в глаза людей. К хирургу Йорсту Штепплеру после тех столкновений поступило 26 пострадавших. Вот одна из больничных записей: «Отек легких. Состояние крайне тяжелое. Возможен летальный исход от удушья».

Исследования химика из Мюнхена, Альфреда Шремпфа, показывают, что применение «химической дубинки» может привести не только к повреждению глаз, но и к возникновению раковых заболеваний и к смерти. «При высокой концентрации слезоточивые газы вызывают стойкие повреждения слизистой оболочки, особенно роговицы глаза», — констатирует профессор Хофман из глазной клиники при Гамбургском университете. Доктор Роберт Дайер, директор клиники для полицейских в Вашингтоне, сообщил газете «Вашингтон стар» еще в октябре 1975 года о необычайном распространении рака кожи среди полицейских, которые в период с 1968 по 1971 год активно пользовались слезоточивым газом, разгоняя демонстрантов, выступавших против войны во Вьетнаме. Начальник нью-йоркского управления тюрем Марк Розен два года назад признал, что в одной из камер в страшных муках умерли от удушья трое заключенных, подвергшихся воздействию повышенной дозы слезоточивого газа.

В ФРГ все громче звучат голоса, требующие запретить «химическую дубинку», но 8 тысяч «гуманных» газовых пистолетов по-прежнему пускаются в ход по всей стране.

(«Штерн», Гамбург)

„Он был в черных перчатках и размахивал дубинкой. Потом снял перчатки, вытащил пистолет и придвинулся вплотную к Рудольфу, а когда тот отшатнулся, закрыв голову рукой, он выстрелил. Он стрелял с бедра — снизу вверх. Когда Рудольф упал, он убрал пистолет и ушел...»

Этот случай произошел не в детективном романе, не в многосерийном телебоевике, а в предместье города Бохума, Херне, и описан очевидцем — братом 17-летнего рабочего-строителя Рудольфа Поллачека, убитого полицейским 24 июля 1977 года выстрелом в упор.

Рудольф был парень как парень. С полицией никогда дела не имел. В тот вечер он поссорился с братом, ушел из дома и где-то выпил. Когда он вернулся, жена брата в сердцах вызвала полицию. Их явилось четверо, с заряженными пистолетами. Подвыпившего мальчишку утихомирили просто. Сержант достал пистолет... Эрнст, брат Рудольфа, говорит: «Я расцениваю то, что произошло на моих глазах, как самое настоящее убийство. Я и под присягой скажу то же самое».

В тот же день в нескольких километрах от Херне, в городском округе Ваттеншайд, был ранен в ногу 20-летний Франк Райхенберг, и тоже выстрелом из пистолета полицейского. Франк присутствовал на встрече членов мотоклуба. Явились полицейские, и по какому-то мелкому поводу возникла перебранка. И тогда полиция прибегла к своему «аргументу» — пуле.

Всего за две недели до этого в Бохуме был убит полицейским 34-летний Густав Шлихтинг, отец двух детей.

Вот еще два случая, получивших широкую огласку. 9 февраля 1977 года полицейский Лёрхер застрелил 14-летнего школьника Петера Лихтенберга в Нидерорденбахе (округ Гессе). Петер играл с другими ребятами в заброшенном доме и был застрелен без всякой видимой причины, даже без предупредительного окрика. Полицейский заявил, что принял его за опасного преступника. 6 августа 1977 года в Мюнхене был убит — тоже «по ошибке» — 20-летний турецкий рабочий-автомеханик. Следствие установило, что он якобы сам нажал на спусковой крючок револьвера полицейского и в результате получил выстрел в... затылок!

Перед нами уже не отдельные случаи, а опасная для жизни обстановка в целом районе ФРГ. Абсурдная действительность: граждане наименее уверены в своей безопасности, когда рядом оказываются те, кто как раз обязан по закону охранять их безопасность. Страх и возмущение в Бохуме достигли такой степени, что горожане создали специальный «комитет по отражению полицейской угрозы».

Нарастание полицейского террора совершенно очевидно. Под предлогом борьбы с террористическими актами власти принимают все новые «поправки» к законам, ограничивая демократические свободы. Готовится законопроект, который освободит полицейских от судебной ответственности за убийство «по ошибке».

В обстановке, созданной законом о «запрете на профессии», слежки и преследований за политические убеждения тормоз при применении репрессивной силы становится все слабее. Основные

права граждан будут подвергаться «расхищению» до тех пор, пока полицейские будут стрелять в граждан, как в дичь на охоте. И нечего удивляться, что при виде полицейского у людей от страха мурашки по спине бегают.

(«Элан», Дортмунд)
Перевела с немецкого
И. ТУМАНСИНА

ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ В „ГУДЗОНЕ“

Дэнис ХЭМИЛЛ,
американский журналист

Вы идете по обледенелому тротуару 141-й улицы в сторону Амстердам-авеню, белый человек в черном гетто. В глазах людей, праздно прислонившихся к дверным косякам, вам мерещится угроза. Вы шагаете мимо этих людей, кутающихся в потрепанные пальто, и тихая паника охватывает вас.

Семиэтажное здание на Амстердам-авеню: дом номер 1649, меблированные комнаты «Гудзон». В прошлый вторник здесь умерли от холода в своих крошечных комнатках Пинки Кэрсон и Герман Джексон — оба, конечно же, черные, бедные и старые. И вам понятно, что хуже, чем быть белым в Гарлеме, может быть только одно — быть в Гарлеме черным.

Маленький вестибюль «Гудзона», контора-клетушка со столом и телефоном. Две черные женщины приглашают войти. Сидят они в пальто.

— Вам лучше поговорить с управляющим мистером Альбертом Блю, — говорит одна из них, мисс Аллен. — Он обещает, что котел починят к полудню. Котел прошлой ночью лопнул: трубы были такие ледяные, что, когда пустили горячую воду, их просто разорвало.

Мисс Аллен сообщает номера тех двух комнат, где на днях замерзли постояльцы.

Комната 21 Ф, где Пинки Кэрсон провел последнюю ночь своей жизни. Дверь поддается с трудом — мешает матрац с другой стороны. В нос ударяет смрад. Колченогая кровать да старый комод — вот и вся мебель. На комоде, в закопченной алюминиевой кастрюльке остатки смерзшегося супа из пакета. Рядом пузырьки с лекарствами — фенобарбитал, тетрациклин, пенициллин. Кучей валяются информационные буклетики всяких бюрократических учреждений — медицинской помощи, социального обеспечения, социального страхования. Штукатурка кусками отваливается со стен и потолка. Ветхие зеленые жалюзи колышутся от сквозняка, дребезжат рамы. Радиатора нет, только труба для горячей воды. Но труба ледяная. Имущество Пинки сложено на кровати: рубашки и брюки, одеяло не толще бумаги, старое пальто.

Рядом с комнатой Пинки — коммунальная ванная: разбитый унитаз, ванна в пятнах грязи и ржавчины, под ногами каменное крошево из бывшего кафеля. Вы открываете кран, но вода не льется. Нажимаете на ручку унитазного бачка — бесполезно.

Комната Германа Джексона на третьем этаже опечатана полицией. Но можно заглянуть в коммунальную кухню, где четверо черных топчутся у плиты. Стены зеленые, как в полицейском участке. Раковина валяется на полу. В стене зияет дыра, торчат трубы. К главной трубе приставлена воронка, чтобы вода не текла мимо.

Черный по имени Эл Хейнс жарит цыпленка, остальные греют воду. На лбу у Эла Хейнса глубокий шрам. Эл Хейнс живет напротив комнаты, где умер Герман Джексон. Он хорошо помнит ту ночь.

— Он все звал: «Эл, Эл!» — рассказывает Эл Хейнс. — На нашем этаже два Эла. Я и вон там Эл Брайнт. Я подошел к двери Джексона, но она оказалась заперта. Теперь жалею, что я ее не взломал. Не знаю, кого он звал, меня или Эла Брайнта. Старик мне нравился. Правда, я здесь недавно и не успел узнать его поближе. Эл Брайнт был с ним больше в дружбе. Сказать вам, что я обо всем этом думаю? Надо убираться отсюда ко всем чертям, да поживее. Меня эти типы из социального обеспечения уговорили сюда перебраться. В жизни не видел такой мерзкой дыры!

Эл Брайнт был ближайшим другом Германа Джексона, стряпал для него еду. Он и обнаружил труп.

— Я тоже слышал сквозь запертую дверь, как он звал: «Эл», — рассказывает Эл Брайнт. — Он все спрашивал: «Эл, где это я? Какой холодище». Через дверь я сказал, что он дома. Потом я услышал какой-то грохот, и больше он не отвечал. Я ушел к себе. Утром спрашиваю старушку из соседней комнаты, может, она слышала, как он ходит за стенкой. Но она говорит, не слышала. Тогда мы раздобыли ключ. Я вошел и увидел, что он лежит на животе, лицом вниз...

Эл Брайнт сказал, что последний раз Герман Джексон ел в воскресенье.

Герман Джексон родился во Флориде, но его семья переселилась в Нью-Йорк, когда он был еще маленьким. Последние шестнадцать лет он прожил в «Гудзоне». Пока не потерял работу, был грузчиком в порту, потом посыльным, потом слег, и ему назначили пособие по благотворительности. Еще ему выплачивали страховку.

Эл Брайнт ведет вас по зданию. Все коридоры одинаковы — узкие, как в тюрьме, облупленные, мрачные. Он стучится в дверь комнаты, где живет 55-летняя Мария Кейн. Она лежит в пальто под двумя одеялами. Она больна, и ей трудно разговаривать. На комоде — кое-какая косметика, церковные открытки и яркий американский флаг из пластмассы.

Вы спрашиваете, откуда взялся флаг.

— Кажется, кто-то подарил, — говорит она. — Красивый, правда?

Вы спрашиваете, как она себя чувствует.

— Ч-ч-чертовски холодно, сынок, — отвечает она. Она смотрит в телевизор. На экране мельтешение, звук не работает. Крутят рекламный ролик про Ямайку: мелькают залитые солнцем пляжи, кроны пальм, шевелящиеся от морского бриза, саксофонист весь в поту. На Амстердам-авеню, 1649 уже несколько месяцев как никому не было жарко.

65-летняя Джозефин Гиллиан — одна из самых счастливых постояльцев в «Гудзоне»: у нее в комнате есть печка. И топит она ее все 24 часа в сутки. В комнате трудно дышать. Вы говорите, что так можно в один прекрасный день задохнуться. Она не спеша поднимает глаза: «Молодой человек, я уж лучше задохнусь, чем умру от холода».

В зимнем Нью-Йорке смысл жизни для бедных, черных и старых сводится к тому, чтобы выбрать наименее болезненный способ умереть.

Вас больше не терзает мания преследования, не мерещится, что вот-вот двинут по вашей белой физиономии. Вас отпустил страх. Зато теперь вы в ярости, и вам не терпится выяснить, кто же во всем этом виноват. Вам называют имя хозяина: Дэниэл Голд. Его фирма находится на Бродвее, 2061, телефон: 7-81-20. Вы хотите побеседовать с Дэниэлом Голдом. Вам сообщают, что Дэниэл Голд, увы, не имеет возможности встретиться с вами. Видите ли, он постоянно живет в Майами.

Перевела с английского
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

«МЕЛОЧИ ЖИЗНИ» КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ДУША В ДВИЖЕНИИ

В июле 1977 года в «Артеке» состоялся Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!». Одним из гостей фестиваля был доктор Спок: американец, известный всей Америке борьбой против войны во Вьетнаме; детский врач, известный всему миру своей книгой «Ребенок и уход за ним». В № 7/77 «Ровесник» опубликовал обращение доктора Спока к участникам фестиваля; это обращение доктор Спок продиктовал по телефону из своего дома на берегу озера в штате Аризона. Доктор Спок обещал, что даст интервью «Ровеснику», когда будет в Москве, проездом в «Артек».

1. WASP

Дед и отец Бенджамина Спока всю свою жизнь голосовали за республиканскую партию. Это были обеспеченные люди; обеспеченность передавалась по наследству, из поколения в поколение, на протяжении ста семидесяти лет. Род начинался в вольные и величественные времена американской революции; род уходил корнями во времена, когда первые переселенцы основывали колонии в Новой Англии. Политические пристрастия Споков были так же постоянны и крепки, как их быт. В меру интеллекта; в меру деловой хватки; знайся только со своими; наш мальчик обязательно должен учиться в Йеле или в Принстоне; упорство; вера в бога; холодный душ утром и вечером; если сказал слово «черт», будь добр вымыть рот с мылом — все вместе это называлось WASP. WASP — значит White (белый), Anglo (англо) Saxon (саксонский), Protestant (протестант).

2. Йель

Йельский университет был основан в 1701 году, третьим из американских университетов: первым был Гарвард, вторым — колледж Уильяма и Мэри. В этих университетах, помимо учебников по специальности, учебными книгами были Библия, «Поэтика» Аристотеля, «Этика» Спинозы, «Потерянный рай» Милтона, «Здравый смысл» Пейна. Эти университеты давали провинциальным американским подросткам, детям промышленников и адвокатов понятие вселенной и ощущение истории; давали профессию — врача, инженера, журналиста, историка. Учиться в Йеле или в Гарварде значило быть связанным круговой порукой «среднего» и «высшего» класса; значило, возможно, политическую карьеру. Бенджамин Спок кончил Йель, медицинский факультет. Вот как он рисует свой тогдашний портрет:

«Я не был вольнодумцем. Мое поведение было весьма обычным. Моя одежда была весьма пристойна. Моими друзьями всегда были белые, англосаксы, протестанты из «среднего» и «высшего» класса. Я был снобом, и я до сих пор преодолеваю в себе остатки этого качества. Еще я был всегда склонен к типичной американской вере в ценность индивидуализма, и во мне сохранились

остатки знаменитой «новоанглийской независимости».

Это портрет Американского Юноши, Выпускника. Америка распахивала перед ним двери своих оффисов, контор, кабинетов, клубов. Все в Американском Юноше, Выпускнике было целесообразно и продумано, как в хорошем кухонном комбайне: не был вольнодумцем — был приличным человеком; поведения был весьма обычного — необычно ведут себя только неврастеники и рифмоплеты; одевался пристойно — этого юношу можно пригласить на ужин и, не боясь конфуза, представить жене; друзей имел из «высшего» и «среднего» класса — важны не таланты, а знакомства; был снобом — а кем ему еще быть, если он Йель кончил; был индивидуалистом — был истинным американцем.

3. Три изъяна

Но нет — этот портрет аккуратного, многообещающего, без изъянов, американского юноши неверен, неправдив. Душа американского юноши была, к счастью, с изъяном: он не мог спокойно смотреть на чужие страдания. На последнем курсе Йеля, во время медицинской практики, Бен Спок был ассистентом хирурга. Один раз хирург делал операцию ребенку, больному полиомиелитом. «Во время операции я стоял рядом с операционным столом и держал ребенка за руку. До этого я уже присутствовал на нескольких операциях, но тогда на операционном столе были взрослые, а когда на операционном столе ребенок — это нечто совсем другое. Я не мог на это смотреть. Я поклялся стать детским врачом».

Бен Спок покинул увитые плющом старые стены Йеля и отправился в плавание по бурным волнам жизни. Вскоре душа его получила еще один изъян: он перестал верить в политическую непогрешимость «среднего» класса. Жена доктора Спока Джейн Спок стала активисткой организации, поддерживавшей испанских республиканцев. Это было, во-первых, определенного рода вольнодумство; во-вторых, это было нечто необычное для десяти тысяч американских городков, в каждом из которых все знали всех, и все вместе думали, что Мадрид находится в штате Орегон; в-третьих, это был вызов традициям «среднего» класса, здравого смысла, американской морали, потому что, как ни посмотри, но общество помощи Испанской республике — это не «Ротари-клуб» [1].

«Потом мы переехали в Нью-Йорк, я начал работать там, стал встречаться с рабочими, и тут я стал сомневаться в своих взглядах».

Доктор Спок, Сноб — стал встречаться с рабочими! Доктор Спок, Выпускник Йеля — стал сомневаться в своих взглядах! Академическое образование, эрудиция, знание античных авторов позволяли ему с сомнением относиться к взглядам других; но вот он увидел, что вне его класса есть люди, у которых он может многому научиться; он увидел, что «средний» класс, его родной класс не является носителем окончательной истины; душа его получила самый необходимый, самый ценный для Выпускника Йеля изъян — он стал сомневаться в своих взглядах!

[1] *«Ротари-клуб» — привилегированный клуб, имеющий отделения во многих городах США. (Примеч. ред.)*

4. Б. С. и Франклин Рузвельт

Дед и отец Бенджамина Спока голосовали за республиканскую партию. В 1936 и в 1940 годах Бенджамин Спок голосовал за Франклина Рузвельта, кандидата демократов [1]. Он изменил традиции, потому что изменились времена: республиканцы привели страну к депрессии, и республиканцы больше не заслуживали доверия «среднего» класса. Надо было просто выбрать себе другого управляющего. «Но, хотя я голосовал за Рузвельта, я все же оставался преданным социальным ценностям, которые во мне воспитали, и политически я был все же еще полностью консервативен». Бенджамин Спок сомневался, но Бенджамин Спок все же был предан десяти тысячам американских городков и Йельскому университету.

5. Ребенок и уход за ним

В 1946 году список бестселлеров возглавила книжка доктора Спока «Ребенок и уход за ним» [2]. «Книга моя вышла в 1946 году, когда наука о воспитании была строгой, а Америка — конформистской. Речь вовсе не шла о революционной книге. Это скорее книга середины дороги. Я говорил: будьте эластичны, но будьте осторожны. Лидерство и авторитет принадлежат родителям. Но авторитет — это не приглашение к наказанию; родители должны использовать свой авторитет, чтобы учить детей справедливости. Идеально, если бы не было необходимости в наказании. Ваша любовь к детям — это еще и высокая ответственность: вы воспитываете человека не для легкой жизни. Научите его быть простым и честным, научите его любви. Но он не должен быть безоружен, он должен уметь защищать свои принципы. Я всегда верил в духовность человека. Возможно, человек — животное, но он единственное на земле животное с душой».

Книга доктора Спока всем понравилась. Доктор Спок говорил о детях и взрослых так умно, так мягко, и его книга давала точные и успокаивающие советы родителям, которые до того понятия не имели, почему их первый ребенок кричит, молчит, спит, не спит, мокрый, сухой, ест, не ест, растет, не растет, сосет соску, не сосет соску, держит головку, не держит головку, икает, не икает, говорит: «ля», не говорит: «ля», спит днем, спит ночью, вообще не спит и т. д. Доктор Спок стал Добрым Доктором Америки. Доктор Спок учил родителей и детей любить друг друга, и доктор Спок пользовался всеобщим уважением и любовью.

[1] *Франклин Делано Рузвельт (1882—1945) — впервые был избран президентом в 1932 г. Вступив в должность, принял ряд чрезвычайных мер по государственному регулированию экономики, под нажимом трудящихся масс пошел также на некоторые уступки в социальной области. Его реформы получили название «новый курс». Правительство Рузвельта установило в 1933 г. дипломатические отношения с СССР. В 1936 г. при решающей поддержке народных масс был избран президентом на второй срок, и в последующем также сохранил поддержку большинства избирателей. Впервые в истории США был избран президентом на третий срок в 1940 г. — по конституции одно и то же лицо не может быть избранным более чем на два срока подряд. С начала второй мировой войны выступил за оказание поддержки Великобритании и Франции против фашистской Германии. После нападения гитлеровцев на СССР заявил о готовности США оказать поддержку борьбе советского народа. В противовес реакционным силам США отстаивал идею сближения двух стран, внес крупный вклад в создание и укрепление антигитлеровской коалиции. В результате этих его начинаний пользовался всевозрастающим уважением американского народа и был избран президентом на четвертый срок в 1944 г. (Примеч. ред.).*

[2] *Книга Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним» была переведена на 26 языков. Московское издательство «Медицина» выпускало ее дважды — в 1970 и 1971 годах; книга была также издана на ряде языков народов СССР. (Примеч. ред.).*

6. Б. С. и Эдлай Стивенсон

Пользовался всеобщим уважением и любовью до 1956 года, после чего продолжал пользоваться уважением и любовью, но уже не всеобщими. В 1956 году Бенджамин Спок вежливо и тактично, как подобает врачу, выступил в поддержку кандидата в президенты от демократической партии Эдлая Стивенсона. «Он поддерживал проект федеральной помощи образованию, а я считал это очень важным». Но одно дело — лавировать между родителями и детьми, а совсем другое — между двумя кандидатами в президенты. Родители и дети для собственного блага должны любить друг друга; кандидаты в президенты для собственного блага должны доказывать публике неполноценность конкурента. Доктор Спок стал получать письма от матерей: матери не понимали, как мог доктор Спок поддержать Эдлая Стивенсона, когда симпатяга Айк [1] до того любит детишек, что всю предвыборную кампанию только с ними и фотографировался? «Я испытывал что-то вроде шока — я привык к тому, что меня все любят, и это неодобрение очень беспокоило меня». В конце концов, речь в очередной раз шла о выборе нового управляющего. Бенджамин Спок был детским доктором и учил людей уважать друг друга и уметь находить компромиссы. С одной стороны, Стивенсон был хорош, потому что обещал улучшить школьное образование. С другой стороны, и Эйзенхауэр был хорош, потому что любил детей. Если бы можно было выбрать в президенты сразу двух этих милейших людей, доктор Спок так бы и сделал. Скепсис, всепроникающая болезнь, не сделал из доктора Спока циника (разве может детский доктор быть циником?) и не дал ему новых ценностей. Все понимать означало ничего не делать. Сомнения стали формой существования.

[1] *Айк — Дуайт Д. Эйзенхауэр, республиканец, президент США 1953—1961 гг. (Примеч. ред.).*

7. Сентиментальное путешествие

На сто первой странице мелодрамы героиня, которая уже тридцать лет сидит у окна, вяжет ползунки для будущего ребенка и ждет героя, вышедшего нарвать лютиков, получает известие, что герой убит иноземными захватчиками в битве при Пуатье. Так героиня узнает, что идет Столетняя война. Героиня падает в обморок, а очнувшись, едет в Пуатье, где устраивается ночным сторожем на военное кладбище, чтобы никогда не расставаться с любимым.

8. Б. С. и Линдон Джонсон

В 1964 году, когда война во Вьетнаме только разгоралась, доктор Спок голосовал за Линдона Джонсона, который обещал мир. Мир! Неужели детский доктор должен лечить детей, чтобы потом их убивали на войне? Война не нужна американскому народу — следовательно, нужно выбрать управляющего, который окончит войну. Барри Голдуотер не внушал доверия, сколько бы ни фотографировался с детьми. Линдон Джонсон дал честное слово своим сторонникам, а значит — и доктору Споку, — что он покончит с войной. «Через два дня после победы на выборах он позвонил мне, сказал: «Я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали для меня во время предвыборной кампании. Я надеюсь, я буду достоин вашего доверия». Вскоре Линдон Джонсон послал пятьдесят тысяч американских солдат во Вьетнам.

9. Шум и ярость

«И война разразилась».

Авраам Линкольн

«Мне хотелось взорваться и назвать вещи своими именами».

Сэндер Вэнокур, обозреватель Си-би-эс

«Этот подлец предал меня, всех нас эскалацией войны во Вьетнаме».

Б. М. Спок

«Никто не предполагал, что война примет такой размах и так затянется».

Авраам Линкольн

10. Приличные люди не воруют вилок

Книги доктора Спока читали по всей Америке, во всех семьях, где были дети. Люди доверяли доктору Споку, потому что доктор Спок желал добра ИХ ребенку. Доктор Спок был Национальной Фигурой, и, поддержав Л. Б. Джонсона, доктор Спок перед всей страной продемонстрировал свою веру в честность и благоразумие Л. Б. Джонсона. Доктор Спок призвал людей, которые верят ему, поверить и Л. Б. Джонсону. Теперь доктор Спок негодовал. Речь шла не о той или иной академической проблеме, где можно не сойтись во взглядах и все же уважать друг друга, — речь шла об оскорблении, которое Линдон Джонсон нанес Бенджамину Споку. Линдон Джонсон обещал Бенджамину Споку окончить войну, получил таким образом его голос на выборах и послал солдат во Вьетнам. Это было так же оскорбительно, как если бы Линдон Джонсон пришел в дом к доктору Споку и, когда тот вышел из комнаты, украл бы со стола серебряные вилки. Это было низко, мелко, недостойно. Бенджамин Спок не подал бы руки такому человеку. И мог ли Бенджамин Спок жить спокойно, будто ничего не произошло, имея такого человека президентом? «Впервые в жизни я был абсолютно уверен в своей правоте и в неправоте моего противника. Я покончил со всей этой с-одной-стороны-с-другой-стороны чепухой. Это мое негодование дало мне энергию в борьбе против войны... И теперь, когда у меня спрашивают, как я стал настоящим радикалом, я называю три этапа: 1) Линдон Джонсон, кандидат мира, начал эскалацию войны во Вьетнаме; 2) я ушел на пенсию в 1967 году, и у меня появилось свободное время; 3) Джонсон обвинил меня и попытался посадить в тюрьму. Я в долгу у администрации Джонсона за то, что она дала мне абсолютно новую и важную карьеру».

11. Союзники

«У меня появилось много свободного времени, а так как я привык к труду, я стал активистом антивоенного движения». Антивоенное движение состояло преимущественно из молодых людей. Бледные, невыспавшиеся, с красными от слезоточивого газа глазами, они ездили из города в город, из штата в штат, из кампуса в кампус и организовывали митинги, забастовки и дрались с полицейскими. Рок-концерты собирали по двести тысяч человек; группы играли, сменяя друг друга, по трое суток подряд, установив аппаратуру на наскоро сколоченных помостах или на грузовиках с откинутыми бортами. Были живы Джанис Джоплин, Джими Хендрикс, Джим Моррисон, и «Битлз» пели вместе. Кто-то отправлялся пешком и на попутных машинах, взяв с собой одеяло, в Тибет. Кто-то уходил в подполье и организовывал поджоги банков. Кто-то срывал себе глотку, скандируя антивоенные лозунги в пикетах у Белого дома. На Западном побережье, где не надо теплой одежды и апельсины растут на деревьях вдоль хайвеев, множились колонии и коммуны. Джерри Рубин планировал революцию на 1971 год.

Доктор Спок, Выпускник не узнавал Йеля, Гарварда, Принстона, которые всегда были академической цитаделью, символом респектабельности, а теперь встречали Линдона Джонсона нецензурными ругательствами, антивоенными лозунгами, свистом, и Линдон Джонсон успокаивал студентов жестким, грубым, военным окриком: «Остыньте!»

Это были странные союзники. «Поначалу эти молодые люди вызывали у меня отвращение. Сам я в юности всегда очень аккуратно одевался, и я презирал и не понимал их длинных волос, их безумной одежды, их немытых тел. По складу своего характера я чувствовал антагонизм ко многим аспектам хиппистской жизни». Но это были естественные союзники, потому что при всем несходстве темпераментов и внешних манер доктор Спок и молодые люди имели одного врага, одну цель. «Когда в 1968 году правительство обвинило меня в антиправительственном заговоре, они приветствовали меня как друга и сторонника. И если они могли предложить мне свою дружбу, я сознательно постарался преодолеть свои предрассудки против них. Все это случилось не сразу, процесс занял много лет, но за эти годы можно чему-то научиться, и теперь я понял, что они о'кэй. Мне с ними хорошо. Они мои союзники, и я горжусь ими».

12. В семьдесят лет чуть не попал в тюрьму

В январе 1968 года правительство Линдона Джонсона подало в суд на доктора Спока, обвинив его в антиправительственном заговоре. «Я думал, правительство не заинтересовано в том, чтобы упрятать такого старого человека, как я, в тюрьму. Но я, конечно, ошибался». Суд города Бостона признал доктора Спока виновным. Доктор Спок был отпущен под залог, подал апелляцию в суд высшей инстанции и жил в долгом напряженном ожидании, пока наконец суд высшей инстанции не постановил: «Не виновен».

13. Б. С. и Ричард Никсон и Спиро Агню

В 1968 году Джонсон не выставил своей кандидатуры, Роберт Кеннеди был убит в Лос-Анджелесе, в отеле «Амбассадор», и страна получила Никсона и Агню. «Когда я выступил против войны во Вьетнаме, меня обвинили в том, что я развратил поколение. Фашисты, пастор Пилл, духовник Никсона, и Спиро Агню смотрели на бунтующих детей и приходили только к одному выводу: должен быть кто-то, кто подстрекает детей к бунту. Должен быть виновный. Недаром Уоллес [1] вопил, что я был духовным отцом всех хулиганов в Америке. И вслед за ним пастор Пилл и Агню дуэтом начали твердить: это вина доктора Спока, что молодое поколение недисциплинированно и безответственно, и это доктор Спок научил родителей давать детям все, что они хотят и когда они хотят. Чепуха, говорил им я, разве в тех странах, где моих книг не читали, молодежь не бунтует?.. Мне кажется, Агню специально устраивал провокации среди хиппи, чтобы телекамеры могли показать эту взбесившуюся длинноволосую массу, а затем — спокойное благообразное лицо доктора Спока: «Вот какими воспитал их доктор Спок». ...Но скоро Агню проявился во всей своей красе, и всем стало ясно, кто он есть» [2].

Доктор Спок заговорил с интонациями рассерженного радикала.

[1] *Джордж Уоллес — губернатор штата Алабама. Крайний консерватор. Известен своими расистскими убеждениями. (Примеч. ред.).*

[2] *В декабре 1973 года Спиро Агню был признан виновным во взяточничестве, вымогательстве и уклонении от уплаты налогов, после чего подал в отставку с поста вице-президента. (Примеч. ред.).*

14. Биография

Годы учебы в Йеле; незыблемые традиции «среднего» класса; знакомство с рабочими: первые сомнения; годы работы, когда, казалось, найден компромисс между действительностью и идеалом; всеобщий любимец; первые политические опыты и первый шок; если один управляющий плох, надо выбрать другого; война, сделавшая бессмысленной работу; оскорбительная ложь президента Джонсона; борьба против войны в союзе с молодыми радикалами; судебное дело «Правительство Соединенных Штатов Америки против Б. М. Спока»; перспектива жить, имея во главе нации Никсона и Агню.

15. Считалочка

Если один управляющий плох...
Если второй управляющий плох...
Если все управляющие плохи...

16. Пора

«Нашей стране нужна народная партия, потому что основные две — республиканская и демократическая — контролируются богатыми и сильными. Я объезжаю эту страну, чтобы сказать, что эта страна принадлежит американскому народу. Я совершенно честно не жду, что меня выберут президентом. И если мне удается зажечь хоть десять процентов аудитории, перед которой я выступаю, я уже удовлетворен. Все, что я пытаюсь сделать, — это поднять движение. Я думаю, пора ему где-то начаться».

Б. М. Спок,
кандидат в президенты от Народной партии

17. Джерри Рубин

Идет 1972 год. Революция, которую Джерри Рубин обещал в 1971 году, не произошла. Джерри Рубин читает книги по философии, спиритизму, мистицизму, а также книги серии «Как стать миллионером». Через три года Джерри Рубин переедет со всей своей библиотечкой в нью-йоркскую пятикомнатную квартиру, в дом со швейцаром. Швейцар будет звать Джерри Рубина «мистер Рубин».

18. Кто продолжает борьбу?

«Рука об руку шагают они к зданию суда, шагают медленно, в ритм песни «Мы преодолеем», шагают так, как шагали борцы за гражданские права в шестидесятых. Их несколько сотен, они небрежно одеты, почти все они — черные, по десять человек в ряд двигаются они в коридоре из угрюмых полицейских. Маленький городок Франклин, штат Луизиана, весной 1972 года вступил в эру борьбы с расовой дискриминацией.

Но чья это странная фигура в первом ряду — очень высокий, элегантный белый человек, в отлично сшитом синем костюме, в жилете, при галстуке, с платком в нагрудном кармане, с золотой цепочкой от часов? Кто этот джентльмен с редеющими седыми волосами, в роговых очках, скандирующий с таким очевидным удовольствием: «Черные и белые — вместе»? Кто этот патриций, загорелый, аккуратный, явно не житель болотистой Луизианы?

Это доктор Бенджамин Маклейн Спок».

Милтон Вайорст,
«Встреча с кандидатом от Народной партии», «Нью-Йорк таймс мэгэзин», 1972 г.

19. Два кандидата

На выборах 1972 года кандидат в президенты от Народной партии Б. М. Спок получил 78 тысяч голосов, далеко отстав от кандидата в президенты от республиканской партии Р. М. Никсона, который два года спустя, в 1974 году, был обвинен в том, что санкционировал проникновение со взломом в штаб-квартиру демократической партии в Уотергейте и установку там подслушивающей аппаратуры, подал в отставку с президентского поста и специальным указом нового президента Д. Форда был освобожден от уголовной ответственности.

20. Пацифист, радикал, социалист

В 1976 году доктор Спок снова был кандидатом в президенты от Народной партии. «Война во Вьетнаме сделала меня последовательно: пацифистом, радикалом, социалистом... Надежд стать президентом у меня не было. Но нужно учитывать и другие факторы. Я помню, как после одной встречи люди подходили и говорили — да, вы правы, этой стране необходимо социалистическое правительство, но мы не будем голосовать за вас, потому что это напрасная потеря голоса».

21. Я всегда хотел, чтобы всем было хорошо

Активисты Народной партии расклеивали предвыборные плакаты: доктор Спок с девятимесячной девочкой на руках и подпись: «Больше заинтересован в следующем поколении, чем в следующих выборах». С таким же успехом на плакате могли бы стоять слова, которые доктор Спок сказал в интервью Милтону Вайорсту: «Я всегда, по складу своего характера, хотел, чтобы всем было хорошо».

22. Б. М. Спок в Советском Союзе

Высокий, нескладный, в ярко-голубой рубашке с блестящими никелированными пуговицами, в светлых, спортивного покроя брюках, в кедах, одетых на шерстяные носки. Кеды, наверное, размера сорок четвертого. Воротничок и манжеты рубашки накрахмалены и похрустывают, как вафельный стаканчик. Из манжет торчат длинные, широкие кисти рук, покрытые пушистыми выгоревшими волосками. От него пахнет зубной пастой и только что выстиранной одеждой. Голова с высоким лбом, с седыми волосами, зачесанными наверх, на лысину. Руки и лицо покрыты ровным, здоровым загаром. Доктор Спок шагает широко, длинные руки болтаются вдоль тела, и смотрит с вежливой и смущенной улыбкой: ей-богу, я не могу давать каждый день по восемь интервью, и, кроме того, господа газетчики, я действительно не знаю, куда мне девать руки. Разговаривая, он сцепляет свои большие, крупные пальцы и мнет их. Он бодр и весел. Говорит он негромко, уверенно, и от него исходит милое интеллигентное обаяние.

«Когда «Ребенок и уход за ним» стала бестселлером, я сказал себе: вот видишь, как просто писать книги, которые всем нравятся! — и написал еще восемь книг. Но ни одна из них бестселлером не стала. Я писал, что мобильность нашего общества идет в ущерб нашим детям: дедушки и бабушки живут, как правило, отдельно от молодых родителей, и таким образом прерывается традиция в воспитании. Я писал о том, что я против вседозволенности. Что делать, например, если ваш сын повесил во дворе кошку? Иногда бывают случаи, когда наказания не избежать. Может быть, я не очень четко объяснял свои принципы. Сначала, когда я поддерживал молодежное антивоенное движение, из моих работ выхватывали цитату и писали: «Доктор Спок за вседозволенность!» Теперь из моих работ выхватывают другие цитаты и пишут: «Доктор Спок считает, что детей надо пороть!» Все эти люди из прессы ничего не поняли. Я против вседозволенности, и я против того, чтобы подавлять ребенка. Я думаю, надо уважать в детях людей. Дети не должны знать страха. Это самое главное.

Вчера я был на детском утреннике в одной из московских школ. Ваши дети удивили меня своим дружелюбием и тем, как легко они идут на общение... На фестиваль в «Артек» приехали тридцать два американца. Я привез бы сюда тридцать два миллиона американских детей, чтобы они увидели, как легко могут находить общий язык люди разных стран и народов, и чтобы, когда они станут взрослыми, они критически оценили слова тех, кто кричит: «Берегитесь! На нас собирается напасть Советский Союз!» Война не нужна людям. Один мой маленький пациент сказал: «Если война и будет, на нее никто не пойдет!»

Когда я вернусь из СССР, некоторые будут показывать на меня пальцем — вот, мы так и знали, доктор Спок — коммунист! Я не коммунист, я просто хочу мира, этот детский фестиваль посвящен миру, и вот поэтому я здесь... Во время вьетнамской войны меня несколько раз приглашали в Ханой, но я отказывался, потому что такой поездкой я мог подорвать эффективность своей антивоенной борьбы. Про меня бы сказали — доктор Спок на той стороне, и именно поэтому он выступает против войны... Конечно, наши страны должны сотрудничать — мы имеем нечто такое, что отличает нас от других стран... Я имею в виду ядерное оружие. Грубо говоря, мы делим его поровну. И любое действие, ведущее к разоружению, стоит усилий и с той и с другой стороны».

А. ПОЛИКОВСКИЙ,
Н. РУДНИЦКАЯ

PARIS N'A PLUS SON POETE

Никита РАЗГОВОРОВ

Жак Превер любил делать коллажи. Он владел ножницами не хуже, чем пером. Выставку его работ в этом жанре я видел во время одного из каннских кинофестивалей... «Мой друг, мой товарищ» — так называл поэта в предисловии к каталогу Пабло Пикассо. Это не просто о личной дружбе, а о близости творческих манер. Коллажи Превера сродни пикассовской «Гернике». То же поочередное превращение каждой детали в центр, вокруг которого, находясь как бы в непрерывном движении, организуется вся картина, весь коллаж.

Я смотрю на большую фотографию, с которой вышел парижский еженедельник «Пари-матч» в апреле прошлого года, через несколько дней после смерти поэта. Я думаю: как бы поступили с этим журнальным разворотом преверовские ножницы? Крупно набранный заголовок: «Париж потерял своего поэта», разумеется, лучше отрезать. В нем лишь «однодневная» справедливость, в действительности же, конечно, Превер и Париж были и остались неразлучными. Сам портрет очень удачен, но хочется окружить его хороводом парижских видов и образов, самых разных, как бы пришедших сюда из стихов, из песен, из скетчей. Следует, однако, быть внимательным и не заклеить чисто преверовскую шутку, которую выкинул фонарный столб; он загородил часть вывески над булочной, и оставшееся «анжери» может обозначать лишь... «лавку, где продают ангелов». Поэту достаточно обернуться, чтобы это заметить.

Две журнальные страницы, но голоса самого Превера почти не слышно. Отчетливее всего прозвучал он в те апрельские дни в нескольких строках, написанных друзьями поэта Жаном-Полем Ликжуа и Андре Вирелем в другом журнале. «Ты часто говорил нам, Жак, — пишут они, — не рассказывай свою жизнь, это — всегда жизнь других. Мы не будем рассказывать о твоей, потому что она — наша...».

«И моя», — мог бы добавить Париж. «Жизнь, ...а поэзия?» — спросит кто-нибудь. «Поэзия, — отвечу словами Превера, — это самое истинное и самое полезное из всех наименований, даваемых жизни». На всем, что написал Превер, лежит отсвет этих слов, в них ключ к постижению бесконечного разнообразия красок его палитры. «Если бы на свете были только семь чудес, — говорил поэт, — не стоило бы давать себе труд родиться, чтобы на них смотреть». Чудес бесчисленное множество, надо только

ПАРИЖ ПОТЕРЯЛ СВОЕГО ПОЭТА

Сена

У Сены — завидная доля,
Сена не знает забот,
медленно и привольно
ночью и днем течет,
течет из источников дальних,
ничем ты ее не смутишь,
она не бывает печальна,
когда ты о чем-то грустишь,
спокойно течет она к морю,
течет через город Париж.
У Сены завидная доля,
Сена не знает забот,
в платье своем зеленом
вдоль набережных идет.
Сена в зеленом платье
и в золотых огнях,
и Нотр-Дам — фанатик,
в камень одетый монах,
глядит свысока на Сену,
недоброе пряча в глазах.
Но Сене начхать на это,
Сена не знает забот,
медленно и беспечно
ночью и днем течет,
течет она к городу Гавру,
течет, как река мечты,
в долине чудес Парижа,
в долине его нищеты.

уметь их видеть — и Превер приобщает к этому искусству всех своих читателей, начиная от самых маленьких, для которых чтение его «диковиннейших» историй равнозначно своевременной прививке от таких опасных болезней, как скука и тупоумие.

Певец и поэт Брассанс сказал: «Без Превера меня бы, конечно, не существовало. Это он своими «Осенними листьями» приучил людей к песням совсем нового склада».

Нелегко, невозможно даже приблизительно перечислить все, чего бы «не существовало» во французской современной литературе, во всем французском искусстве, если бы не было преверовского толчка, запева, первого шага. И подобно тому, как на преверовских коллажах все детали связаны между собой, и достаточно убрать одну, чтобы целое иногда приобрело совсем другой смысл, — так же едино все поэтическое творчество Превера. «История спешит, историки не торопятся», — любил говорить он. Увы, некоторые «историки» торопятся придать забвению то, что в общей истории творчества Жака Превера занимает отнюдь не второстепенное место. В уже упоминавшемся номере журнала «Пари-матч» в биографической справке о начале творческого пути поэта, о тридцатых годах сказано: «Превер восхищал сюрреалистов, но широкая публика не знала этого бывшего коммерческого служащего».

«Широкая публика не знала...» Как бы не так! В этом стоит разобраться, с этим стоит поспорить, и для того чтобы спор не слишком затянулся, предоставить слово самой истории.

В понедельник 30 января 1933 года президент Германии Пауль фон Гинденбург передал власть в руки фашистов, назначив Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Вечером, во вторник, 31 января, небольшой парижский самодеятельный театральный коллектив, именовавший себя группа «Октябрь», выступил в зале «Бюллье» с сатирическим ревю «Восшествие Гитлера». На сцену вышел человек, одетый во все коричневое, половину лба его закрывал свисавший клок волос. Роль фашистского диктатора исполнял в спектакле тридцатитрехлетний Жак Превер. Его же перу принадлежал текст всей пьесы. Она была написана за один день, разучена за одну ночь. Она была рождена на свет в столь же сжатые сроки, в какие укладывался Маяковский, когда он брался за кисть и перо для того, чтобы создать очередное «Окно РОСТА». Но не только молниеносная публицистичность роднит творчество обоих поэтов, родство гораздо глубже и органичнее. Если воспользоваться классическим образом лиры, то можно сказать, что и у того и у другого самые заветные, самые тонкие струны на ней были созвучны струне телеграфной, в которой гудело время.

«...Прежде чем называть Жака Превера лирическим клоуном, потешающим буржуа, некоторым следовало бы 1936 раз[1] обмакнуть свое перо в красные чернила самокритики. Между Маяковским и Брехтом необходимо оставить место для группы «Октябрь», — пишет французский критик Бернар Шардер. Замечание столь же справедливое, сколь и актуальное, ибо немало делалось и делается для того, чтобы оставить за Превером лишь славу словесного жонглера и эквилибриста. Даже после смерти поэта статья в парижской газете «Фигаро» называла его «человеком, который играл со словами».

Нет, поэт — не игрок словами, но под его пером слово начинает играть всеми таящимися в нем смыслами, оттенками, всей своей скрытой динамической силой. Так играет отшлифованными гранями хорошо обработанный драгоценный камень, но как бы ни была великолепна его игра, от этого не становится игрой труд ювелира. Блеск слов в стихах и афоризмах Превера — и это опять-таки роднит его с Маяковским — более всего похож на блеск хорошо начищенного оружия. Приведу лишь один пример. Буржуазное общество в послевоенные годы стало не без удовольствия именовать себя «обществом потребления». «Потребление» — «консомасион» по-французски. Превер взрывает изнутри этот специально придуманный «для отвода глаз» термин. «Общество консомасион»? «Общество кон-и-сомасион», — вносит свое уточнение обличительное перо поэта: «кон-и-сомасион», то есть общество «подлецов и массовых казней», в буквальном переводе. Достаточно один раз услышать эту неожиданную «расшифровку», чтобы не забыть ее никогда. Так же незабываемы стихи-лозунги Превера:

...Двадцать тысяч убитых,
В крови земля,
Но не единая капля
из всей этой крови
Не пролита зря,
Не пролита зря... —

скандируют участники группы «Октябрь» 27 мая 1932 года у стены Коммунаров на кладбище Пер-Лашез во время традиционного митинга, посвященного памяти павших.

Направьте свой взор на Россию,
товарищи,
На Россию,
где право смеяться
есть у детей и у взрослых,
Люди России обращаются
к вам со словами:
«Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!» —

гремит над головами демонстрантов, несущих плакаты. Много разных названий перебрали участники группы «Октябрь», прежде чем твердо остановились именно на этом. «Это был своего рода паспорт, по предъявлении которого не требовалось больше никаких вступительных теоретических речей», — пишет один из биографов Превера. Перед какой бы аудиторией ни выступала группа, спектакль всегда начинался... со спектакля, однако само это начало, как правило, было своеобразным «обзором прессы». Еще до образования группы «Октябрь» Жак Превер несколько лет работал в агентстве «Аргус», специализировавшемся на подборе и классификации газетных вырезок. Названное по имени одного из героев римской мифологии — имевшего сто глаз, — агентство поставляло заказчикам вырезки на требуемую тему. Превер вынес из этой школы умение великолепно ориентироваться в потоке газетных сообщений, отбирать из них и сталкивать между собой те, в которых ярче всего отражалась злоба дня.

С такого «обозрения» начиналось и «Восшествие Гитлера». О чем писали парижские газеты во второй половине января 1933 года? Превер предлагает вниманию зрителей свои «вырезки». Вот сообщения о восстании экипажа французского корабля «Сет Провэнс». Самые жалкие условия службы. Командный состав веселится на берегу, мятежный корабль уходит в море. Репрессии. Гидросамолет. Брошена бомба. 22 человека убиты. Но буржуа, завтракающий в своей постели, не желает слышать ни взрыва бомбы, ни стонов умирающих, его гораздо больше тревожит

---

[1] *В 1936 году была опубликована антифашистская программа Народного фронта. Лозунг «Да здравствует Народный фронт!» звучал с эстрады, где выступали Превер и его друзья — группа «Октябрь». (Примеч. авт.).*

Памятник

Следуйте за гидом, следуйте за гидом!
В не столь отдаленные времена
Эта скамейка была сосной,
Затем перешла в состояние бревна,
Затем в состояние доски
И впоследствии стала скамьей.
И ныне этой скамье выпала честь
Служить постаментом
Для наипростейшего монумента,
Который ежедневно возводится здесь
На самой прекрасной аллее
Наших Больших бульваров.
Памятник этот воздвигнут
Без помощи ваятелей и зодчих
Очень простыми руками,
Руками простых рабочих.
Беспокойное сердце туриста
Рвется всегда вперед!
Но не идите так быстро,
Остановитесь хотя на мгновение
И посмотрите на это:
На эту прекрасную статую

Из гипса, песка и цемента,
С известной примесью извести,
Из плоти, костей и крови
(Кости, конечно, не новые),
Из сверхурочной работы,
Из вздувшихся вен на руках,
Из пыли, в ладони втертой,
А также из каменной пыли
На сомкнутых плотно ресницах.
Вы сделать хотите снимки?
Леди, мосье и дамы,
Вам следует поторопиться,
Поскольку памятник сей
Воздвигнут здесь крайне временно,
А не до окончания дней.
Вскоре он будет храниться,
Перенесенный отсюда, —
В доме, где престарелые лица
Получают вполне заслуженный ими
Отдых, покой и уют.
В воскресные дни им дают
Каплю вина,

Не забывая, конечно,
В прочие дни недели
(А в неделе много часов)
Обеспечивать их сигаретами
Популярных в народе сортов.

шум и скрежет железных занавесей, опускающихся на окнах обанкротившихся нью-йоркских банков.

Он всех готов убить
на свете,
Чтоб только сохранить свой дом,
Кому бы поручить
заняться
таким трудом?
И вот он ищет человека
(Как Диоген
из древней сказки),
И он находит человека
В железной бочке из-под краски.
(Гитлер... Гитлер... Гитлер.
Соломенное чучело,
чтобы разжечь огонь.
Убийца. Провокатор.)
Его показывают всем
И в том числе рабочим:
— Он прост, он мил,
и маляром
Служил когда-то между прочим.
. . . .
И в кровь окрашены теперь,
Стоят рабочие кварталы...

Я перевожу эти стихи, перечитываю перевод, а в памяти возникает доброе и открытое лицо Жака Превера. Весной 1962 года мне посчастливилось провести в его доме, в его обществе несколько часов. По настоятельному совету моего друга писателя Жан-Пьера Шаброля, введшего меня в этот дом, я не задавал в тот вечер хозяину никаких громоздких вопросов. «Этого Жак не любит, — предупреждал меня Шаброль, — говори о вещах простых и человечных».

И я спросил у поэта, кем он мечтал стать в детстве и сбылась ли его мечта. (Вопрос, отчасти навеянный обстановкой преверовского рабочего кабинета: столько здесь было в беспорядке разбросанных цветных фламастеров, рисунков, напоминавших детские затейливые и незатейливые игрушки, видневшихся на полках, заставленных книгами и пластинками.) Приведу примерную запись услышанного мною ответа, но, увы, боюсь, что без лукавства в интонации, без светящихся иронией глаз поэта слова его донесут лишь часть из того, что было им в действительности сказано.

— Когда я был мальчиком, — ответил Превер, — мы всей семьей — я, отец и мать с моим младшим братом на руках, часто ходили в кино. Тогда оно было еще немым. Но за экраном находился человек, который по ходу действия производил всевозможного рода необходимые шумы. У него был свой маленький арсенал средств: колокольчики, хлопушки, пугач, молотки и т. д. Он мог изобразить бурю, вой ветра, перестрелку или пение птиц. И все это под аккомпанемент находившегося в зале пианиста. Я помню, что как-то во время одной из схваток в ковбойском фильме совместными действиями всех инструментов был поднят такой адский шум, что зрители начали кричать: «Тише, тише, ничего не видно!» Я не берусь утверждать, что мечтал стать таким «звукооформителем», но не буду скрывать того, что эта необычная профессия казалась мне в высшей степени интересной. Как бы там ни было, я думаю, что есть некоторое родство между моими взрослыми занятиями и тем, что делал этот заэкранный маг и волшебник».

Милая шутка! И да, и нет. Искусство Превера, если хотите, как раз и состоит в том, что его слово, умеющее и звенеть, как колокольчик, и грохотать, как молот, помогает лучше, отчетливее, сознательнее видеть то, что происходило на огромном экране жизни. Не случайно одна из лучших книг поэта — «Большой весенний бал» — создана в сотрудничестве с известным фотографом Изи; стихи здесь неотделимы от фотографий, а фотографии мгновенно «немеют» без стихов. А сколько лирических стихотворений Превера представляют собой, по сути дела, «моментальные снимки», сделанные иногда при естественном, иногда при искусственном освещении. «Давать видеть» — так определял сущность поэзии Поль Элюар; в творчестве Превера, в творчестве, по сути дела, родившемся на сценических подмостках, этому принципу подчинено все. Казалось, что поэт как бы испытывал потребность дополнить слова зрительным образом. Подаренная книга всегда сопровождалась и добрым словом, и рисунком. Зайдя к одному из своих друзей и не застав его дома, поэт просто нарисовал на листке календаря цветок и написал свое имя. Мельчайший штрих в жизни. Но и это — Превер.

Я спрашивал у поэта, какие книги произвели на него самое большое впечатление, когда он начинал читать.

— Я научился читать по азбуке и по сказкам. Я читал «Синюю птицу», сказки Перро, «Бременских музыкантов». Читать научила меня мать.

— А отец?

— Мой отец работал в Центральном обществе вспомоществования беднякам Парижа. В его обязанности входило посещать нуждающихся в помощи. Он часто брал меня с собой. После таких путешествий наши две комнатки казались мне раем. Странно, но у самых бедных улиц были часто самые красивые имена: улица Солнца, улица Золотого Короля... Мы ходили всюду и входили в разные дома, как на празднике, но это был большой печальный праздник без музыки, и он никогда не кончался...

Волшебный мир сказок и горькая правда жизни неразрывно переплетены в детских воспоминаниях поэта. И хотя, конечно, его слова «я никогда не менялся, я не «развивался», за что меня не раз упрекали; я остался таким, каким был в детстве» — не более чем поэтический образ, однако в поэзии Превера мы постоянно встречаемся с чем-то действительно неизменным, но это скорее всего особый характер его взгляда, его «ста глаз», глядящих на улицы и площади, сады и бульвары, тупики и задворки жизни.

Очень часто его взгляд ироничен и саркастичен. Такого не бывает у детей. Он появляется лишь у юности, научившейся видеть. Для этой юности, как когда-то для своей группы «Октябрь», Превер написал в своей последней книге скетч «Открытие университета». Хор студентов исполняет в нем песню, начинающуюся словами:

— Зажгите свечу, поглядим,
не погас ли свет!

Светильники и факелы поэзии Превера не раз помогали ответить на подобного рода вопросы. Светящиеся в них искорки иронии целительны и животворны... Тот, кому посчастливилось видеть озаренное этим светом «острого галльского смысла» лицо Превера, всегда будет хранить в своем сердце образ поэта. Но и тот, кто сможет лишь прочесть его стихи, услышит обращенный к себе его голос, не громкий — Превер не владел ораторским даром, — но взволнованный и искренний, с чувством одинакового доверия к своим слушателям, произносящий и слова милой лирической песенки, и обличительные, полные сдержанного гнева сатирические строки. Чем внимательнее слушатель, тем тише будет речь поэта для того, чтобы, когда умолкнут слова, и сама тишина казалась еще не начатым стихотворением.

Песня работниц

Играйте, играйте,
девочки,
вокруг корпусов фабричных,
пока они вас не съели.
Играйте, играйте,
дети рабочих,
дети крестьян.
Когда в колыбели вы были
и феи над вами витали,
владельцы заводов и замков
феям всучили взятки,
и феи вам предсказали
только одни печали.
Вы будете несчастными,
у вас будет много детей,
они тоже будут несчастными,
у них будет много детей.
много детей,
много детей...
Играйте, играйте,
девочки...

Цирк

Укротитель кладет свою голову
В львиную пасть.
Я кладу лишь два пальца
В глотку высшего света,
И тогда, не успев свои челюсти сжать,
Изрыгает он капельку желчи:
Золотую монету...
У каждого свой цирк,
Господа.

Строгие дети

Папы и мамы,
Смотрите под ноги.
Папы и мамы,
Глядите, куда вы идете.
Папы и мамы,
Смотрите направо, смотрите налево,
Папы и мамы, посмотритесь в зеркало.
Папы и мамы,
Смотрите нам в глаза.

Стихи Жака Превера перевел
Н. РАЗГОВОРОВ

БЕККЕНБАУЭР: «ТЕПЕРЬ ГОВОРЮ Я САМ»,

или
Сердитая исповедь о том, как играют профессиональные футболисты и как играют с футболистами

У меня чуть не отнялся язык, когда я прочитал все то, что про меня понаписали за последние недели. И я решил: хватит, пора нанести контрудар. Я не поддамся на провокацию и не стану стирать грязное белье. Я расскажу о том, что было на самом деле. При этом факты останутся фактами, даже если они неприятны мне или кому-то другому.

От редакции: Из сообщений прессы известно, что Франц Беккенбауэр, капитан «Баварии» и сборной ФРГ, чемпион мира 1974 года, кумир западногерманских болельщиков, летом прошлого года уехал в США и выступает теперь за нью-йоркский клуб «Космос». Отъезду предшествовала кампания против Франца Беккенбауэра, которую вели две шпрингеровские газеты: «Ди вельт» и «Бильдцайтунг». Франца Беккенбауэра обвиняли в том, что он покидает сборную в напряженный и ответственный момент: перед чемпионатом мира. В ответ Франц Беккенбауэр опубликовал в журнале «Штерн» серию статей под заголовком: «Теперь говорю я сам»; в этих статьях Беккенбауэр называет тех, кто действительно виноват в том, что накануне чемпионата мира сборная ФРГ осталась без одного из своих лучших игроков.

Свой рассказ я хотел бы начать с конца, с трех самых безрадостных недель в моей жизни. Все началось в среду перед пасхой, 6 апреля. Позвонил один приятель и сказал, что мне не мешает просмотреть сегодняшний выпуск газеты «Ди вельт». Там было помещено небольшое сообщение под прямо-таки трогательным заголовком: «Наши заботы о Франце Беккенбауэре». После обстоятельного предисловия говорилось о том, что во второй половине апреля я улетаю в Нью-Йорк для переговоров с футбольным клубом «Космос». И тут же, как будто между прочим, было напечатано: «К несчастью, как раз сейчас в личной жизни Беккенбауэра наступил кризис. Мюнхенец влюбился в женщину-фотографа, тоже из Мюнхена». Сообщение было анонимным.

Я сразу догадался, в чем дело. Изысканная «Ди вельт» подготовила почву для какой-то другой, менее изысканной газетки тех же издателей. Я собирался якобы покинуть ФРГ, и мне, так сказать, объявили «предстартовую готовность».

На следующее утро подтвердились мои худшие опасения: «Бильдцайтунг» начала печатать ежедневные сообщения о «приключениях» Ф. Беккенбауэра.

Я знаю людей, которые, большей частью анонимно, писали обо мне. И знаю кое-что об их личной жизни. Меня тошнит от их ханжества. У меня до сих пор не умещается в голове, что в редакции «Бильдцайтунг» ни у кого не хватило ни порядочности, ни мужества, чтобы стукнуть кулаком по столу и сказать: «Этого нельзя печатать, это ниже нашего достоинства». Эта газета десять лет наживалась на славе «Кайзера Франца». Теперь же, когда «Кайзер», кажется, уходит, можно подзаработать, вылив ему на голову ведро помоев. Нойдеккер[1] сказал: «Если «приключения» будут продолжаться, то Франца не возьмет ни одна команда Западной Германии».

А между тем не прошло и месяца с тех пор, как я послал в Нью-Йорк телеграмму: «Благодарю за серьезные предложения. Решил остаться в ФРГ». Еще несколько дней тому назад это решение казалось мне окончательным, я ни за что не хотел переходить в другую команду перед чемпионатом мира. Это, по сути дела, подводило черту под нашими переговорами, которые велись в течение почти двух лет. Но и после моего отказа представители «Космоса» снова прилетели в Европу и все-таки уговорили меня побывать в конце апреля в Нью-Йорке.

Теперь же я оказался в дурацком положении: еще не заключив договора с американцами, я был официально «уволен» у себя на родине.

Когда на следующий день в газете «Бильд ам зоннтаг» появилась статья под заголовком: «Тайное рандеву с Хайди Брюль», меня это уже не особенно опечалило. Однако я знал, как болезненно реагирует на такие вещи Хельмут Шён[2], порядочный и очень щепетильный человек. Поэтому я позвонил Шёну и Нойбергеру[3] и попросил не рассчитывать на меня в предстоящих международных встречах. Причина — кампания, развернутая прессой, и ее неизбежные последствия.

Вскоре мне позвонил пресс-секретарь НФА доктор Герхардт и прочел заявление, которое ассоциация решила опубликовать от моего имени. Там говорилось, что мой переезд в Америку делает невозможным мое участие в играх за национальную сборную. Преодолев первый шок, я попросил доктора Герхардта изменить текст заявления, так как я имел в виду только отказ от двух следующих игр из-за кампании в прессе. В конце концов было опубликовано заявление, где мой отказ мотивировался отъездом в Америку.

Я не знаю, зачем были нужны эти трюки. Зачем было уверять общественность, что я не могу участвовать в чемпионате мира, что «Космос» ни за что не отпустит меня для участия в международных встречах, когда я сам много раз заявлял обратное. Мне было известно, что на время чемпионата мира американская футбольная лига собиралась приостановить игры своих команд. Что касается отдельных международных встреч до чемпионата, то, конечно, я бы не смог участвовать во всех. Но то же самое было у Халлера, Шнеллингера, Нетцера и Брайтнера. И каждый раз Немецкой футбольной ассоциации приходилось договариваться с их клубами. Почему-то в моем случае об этом забыли.

Единственное утверждение прессы, с которым я согласен, это то, что в будущем году я, возможно, не окажусь на прежней высоте. Но это же может случиться, если я останусь. От этого никто не застрахован.

От редакции: Западная пресса никогда не откажется от сенсации и скандала, потому что сенсация и скандал поднимают тиражи; честь, мораль, нравственность, достоинство, уважение тут ни при чем. Сенсацией может быть материал об осьминоге, пожирающем людей, о Гитлере, любимце детей, об убийце, выкалывающем своим жертвам глаза спицей для вязания. Это может быть все, что угодно, но это все, что угодно, должно быть соответствующим образом подано. Основное умение журналиста состоит не столько в том, чтобы описать событие, сколько в том, чтобы его разукрасить, используя при этом следующий take up: немного крови, немного эро-

---

[1] *Нойдеккер — президент клуба «Бавария».*

[2] *Хельмут Шён — тренер сборной ФРГ.*

[3] *Нойбергер — президент футбольной ассоциации ФРГ (НФА).*

тики, немного экзотики, громкое имя. При этом, вероятно, материал теряет всякую связь с реальностью, всякую достоверность, но при чем здесь достоверность? Пресса пишет не о том, что достоверно, а о том, что будет пользоваться спросом. Десять лет пользовалась спросом футбольная слава Франца Беккенбауэра, и десять лет «Ди вельт» и «Бильдцайтунг» наживались на этой славе; но что мешало «Ди вельт» и «Бильдцайтунг» нажиться на скандально-бульварной публикации о Франце Беккенбауэре, если этот материал тоже пользовался спросом? Ничего не мешало. Правила журналистской работы диктует не мораль, а спрос. Известен случай, когда фоторепортер Рон Галлела месяцами ходил за Жаклин Кеннеди и фотографировал ее с утра до ночи, пока Жаклин не подала в суд, и суд постановил: Рон Галлела не должен приближаться к Жаклин Кеннеди ближе, чем на пятьдесят метров. Это метод, доведенный до своего логического завершения. От прессы не отделаешься, не отмахнешься, не спрячешься: пресса всепроникающа, как чума. Американский поэт Джон Берримен так выразил чувство ужаса перед прессой:

Нет! Нет! И нет! Пришли, чтоб вырвать интервью,
Нацелили в меня всю технику свою, три кинокамеры, три микрофона в ряд —
Прогресс ушел вперед с тех пор, как телефон
Изобретен людьми, и нас же губит он:
Я пробовал второй поставить аппарат,
Так сразу два звонят, замучили меня,
И днем, и вечером, и ночью, чуть прилягу.
Простые, срочные — попробуй запрети.
В газеты не гляжу, боюсь их как огня,
ТВ и радио — ни-ни, в город — ни шагу,
Сижу, как в крепости, закрывшись взаперти[1].

Партия в покер началась в четверг вечером в мюнхенском отеле «Четыре времени года», в комнате № 185. Один играл против всех. Напротив президента футбольного клуба «Бавария» сидел президент «Космоса» Клив Той со своим адвокатом и юрисконсультом, менеджер Шван и я.

— Два миллиона, — сказал мюнхенец Нойдеккер.

— Один миллион, — сказал Клив Той.

Шван и я были на стороне американца. Я вообще считал, что Нойдеккер мог бы за 19 лет верной службы родному клубу отпустить меня просто так. В конце концов, за меня никогда никому не платили, а уж доходов клубу я принес достаточно.

Нойдеккер заявил, что члены клуба и болельщики требуют продать «их» Беккенбауэра как можно дороже и что советник по финансовым вопросам «Баварии» назначил сумму 2,5 миллиона, а он, Нойдеккер, на свой страх и риск решил скостить полмиллиона.

Позвонив в Нью-Йорк, Клив Той сказал свое последнее слово: «Один миллион четыреста тысяч».

Нойдеккер ответил: «Два миллиона, иначе дело не пойдет», — встал и ушел.

Американцы были раздражены и обескуражены неподатливостью президента «Баварии», а я, мягко выражаясь, разочарован.

Когда Шван на следующий день позвонил президенту, чтобы договориться о новом туре переговоров, Нойдеккер сказал: «Говорить не о чем; два миллиона — мое последнее слово».

Но днем позже Нойдеккер все же снизил сумму на 250 тысяч марок. Но «Космос» теперь не хотел уже уступать ни пфеннига. Я оказался перед выбором: либо бросить футбол, либо самому покрыть разницу между 1 миллионом 400 тысячами марок, предложенных «Космосом», и 1 миллионом 750 тысячами марок, потребованных президентом Нойдеккером. Я решил заплатить «Баварии» недостающие 350 тысяч марок.

От редакции: Сколько стоит Беккенбауэр? Американцы, предприимчивые люди, решили создать свою футбольную лигу и купили за рубежом португальца Эйсебио, ирландца Беста, бразильца Пеле, немца Беккенбауэра. Профессиональный спортсмен — собственность клуба; собственность может продаваться и покупаться; собственность не имеет своего мнения. Канадский хоккеист Фил Эспозито был продан из «Бостон брюинз» в «Нью-Йорк рейнджерс» так, что узнал об этом только из газет. Ни о каком духе верности клубу не может быть и речи: во-первых, у собственности не может быть духа верности, во-вторых, каждый профессиональный спортсмен знает, что нужен клубу, пока приносит доход. Американцы, правда, утверждают, что ими движет благородная идея: распространить футбол в США. Это понятно: никто никогда не скажет, что желает попросту заработать; в купле-продаже всегда присутствует некая благородная идея. Но футбол, не приносящий прибыли, заставляет бизнесменов зевать.

Прощание с «Баварией». На прошлой неделе тренер Детмар Крамер увеличил нагрузки на тренировках. В программе были бег на 100 метров и прыжки.

Я занимаюсь этим уже 13 лет. Может быть, кому-то удастся подсчитать, сколько литров пота было пролито мной на стадионе.

Снова стометровка. Рядом со мной игрок Рот по прозвищу Бык. Вдруг он падает, будто пораженный молнией, и страшно кричит. Детмар Крамер даже не подходит к нему, а цедит сквозь зубы: «Ахиллесово сухожилие». Мы относим Рота в раздевалку, потом его забирает машина «Скорой помощи», тренировка продолжается. В больнице Рот окружен заботой клуба: он получает цветы и шампанское. Через несколько недель, когда с него снимут гипс, ему придется заново учиться ходить. При его «бычьей» энергии он, конечно, попытается снова занять свое место в команде. Но удастся ли ему это в 31 год?

Если нет, ему останутся гордые воспоминания: 10 лет в «Баварии». Три раза его голы приносили победу команде в решающих матчах за европейский кубок. Потом он подсчитает, что осталось от его денег, и, может быть, ему хватит на безбедную жизнь.

По дороге с тренировки домой я подумал, что так же может кончиться карьера любого профессионального футболиста. Газетных репортеров и болельщиков заинтересует тогда только то, кто займет свободное место. Может быть, и меня постигнет такая же судьба.

Я не уверен, что при теперешних условиях в профессиональном футболе я сам бы добился многого. Я никогда не отличался физической силой и большой самоуверенностью. А без этих качеств молодому футболисту сегодня очень трудно. Когда я начинал, тренер ставил меня левым крайним, так как считал, что с моей слабой конституцией мне самое место именно там.

Теперь игроков отбирают на вес. Нужно весить, по крайней мере, 70 килограммов и быть 1,80 метра ростом. Особено талантливых молодых игроков покупает какой-нибудь клуб Бундеслиги. У них появляются деньги, они покупают себе дорогие машины, раздают автографы, но бывают, по сути, очень одиноки, в совершенно чуждом им окружении. Их отрывают от родителей, от друзей. С самого начала приходит в действие потогонная система. Любая команда Бундеслиги — это некое искусственное объединение людей, необходимое для того, чтобы каждый мог увеличивать свой счет в банке. Конечно, в «Баварии» мы всегда пытались помогать нашим младшим товарищам, по крайней мере, во время игры и на тренировках, ведь вне работы профессионалы обычно не видят друг друга. Они рады, если могут как-то отключиться. В этом отношении я ничем не отличался от остальных.

От редакции. Н. П. Старостин, тренер футбольной команды московского «Спартака», сказал о футболе: «Нужны высокие и благородные цели. Они делают каждого бойцом на поле, а всех вместе — дружиной, которая стремится только выиграть, причем выиграть чисто! И еще одно: каждый игрок должен чувствовать, что он непосредственный участник всех дел команды, а не только спортивная человеко-единица». Но профессиональный футболист знает, что за десять-двенадцать лет своей карьеры он должен накопить столько денег, чтобы обеспечить себе дальнейшую жизнь. Это главное. Не каждый футболист, кончив играть, может стать тренером, и не каждый футболист, ставший тренером, добьется успеха. Срок славы: десять-двенадцать лет, пока футболист способен поддерживать высокую спортивную форму; потом приходят симптомы старости: футболист теряет прыгучесть, футболист не может все 90 минут играть в быстром темпе; футболист уходит; футболиста забывают. Кто помнит фамилию вратаря сборной ФРГ, которая в 1966 году заняла второе место на чемпионате мира? Как фамилия капитана сборной ФРГ, которая в 1954 году выиграла чемпионат мира? Профессиональный футболист знает, что футбол — это его единственный шанс обеспечить себе и своей семье человеческую жизнь. Футболисты не связаны общей идеей, общим духом; они помогают друг другу на футбольном поле, потому что футбол — коллективная игра, и в одиночку не добьешься успеха; но каждый в конечном итоге имеет свою личную меркантильную цель. Эта цель разъединяет их. Футбол — это бизнес.

Когда в Нью-Йорке 6 часов утра, в Мюнхене — 11. В свое первое утро в Нью-Йорке я вспоминаю о том, как еще совсем недавно тренировался в «Баварии». Я немного боюсь Нью-Йорка. Я еще не до конца понял, что это я, Франц Беккенбауэр, иду по Парк-авеню.

Прощание с родиной вышло совсем не таким, как его я себе представлял, на сердце у меня было тяжело. В аэропорт приехали мои родители. Мой 72-летний отец расплакался, мать тоже. Дюжина фотографов защелкала аппаратами. Я должен был взять себя в руки. От меня ожидали сияющей улыбки. Зепп Майер пожал мне руку, и я почувствовал, какой я, в сущности, сентиментальный человек. Я попытался пошутить: «Смотри, Зепп, не пропусти в следующем сезоне опять столько голов». Зепп ответил мне в тон: «Конечно, не пропущу. Ведь ты не будешь мелькать у меня перед глазами».

Причиной моего скорого решения поехать в Америку явилась кампания, развернутая

На стр. 24 ▲

[1] *Перевод В. Британишского.*

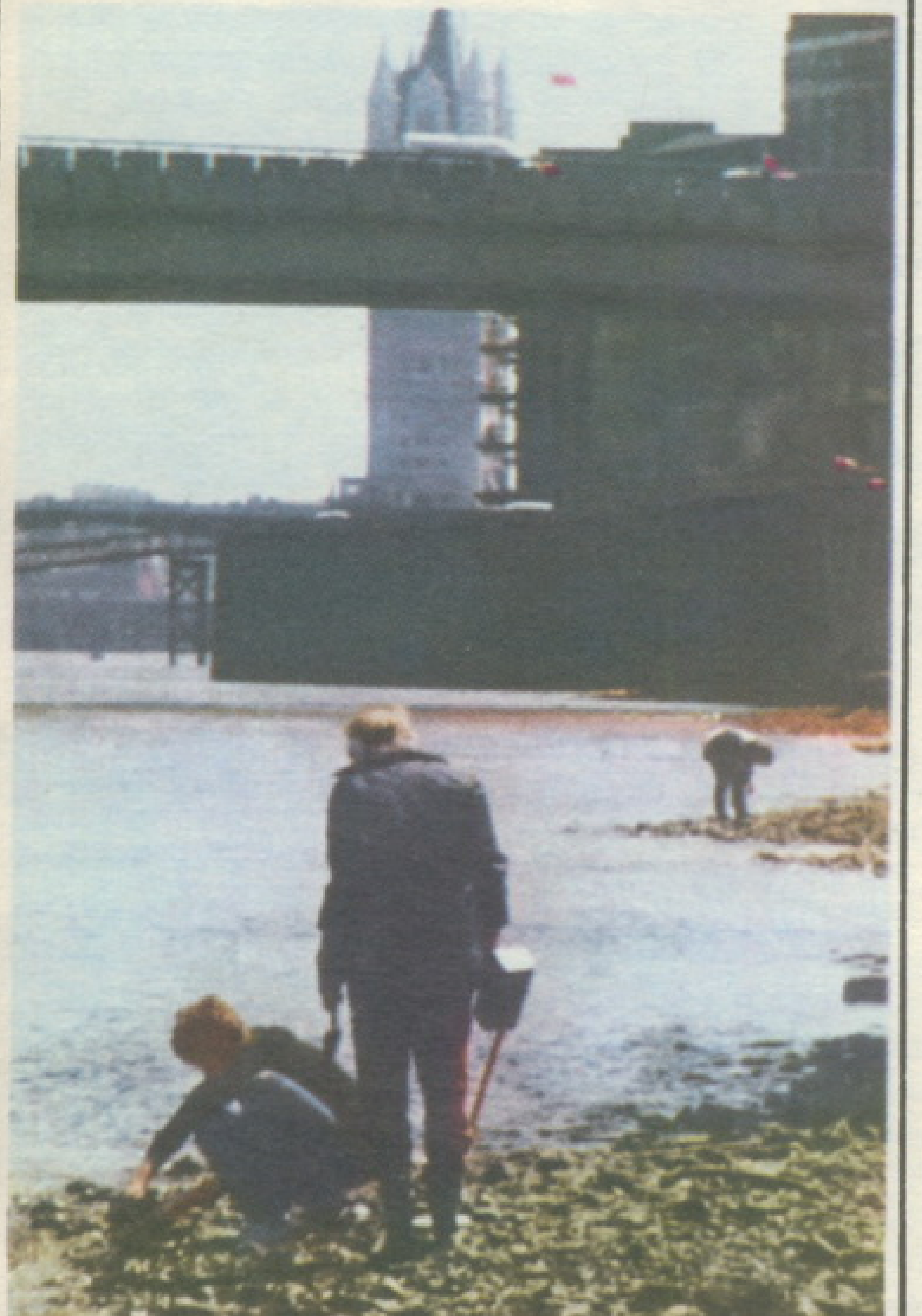

КТО ИЩЕТ, ТОТ НАЙДЕТ?

Англия — остров сокровищ; в этом убедился бы сам Стивенсон, обладай он новейшим оборудованием. Так считают многочисленные искатели кладов, ежедневно, после скучных часов, отсиженных в оффисах, специальными «кладоискателями» ощупывающие чердаки, подвалы, камины, огороды, поляны, овраги и берега рек. Добыча самая разнообразная: римские монеты, оружие викингов, золотые соверены, кольца, браслеты, ключи, консервные банки... Новое хобби захлестнуло остров туманов и сокровищ.

В Танкаваара, на севере Финляндии, в 1871 году было намыто 55 килограммов золота. Увы, теперь такой «урожай» — лишь миф, предание, и трое старателей, приобретшие в 1970 году золотоносный участок, давно бы вылетели в трубу, не напади они на иную «золотую жилу» — туризм. Теперь этот участок — музей. Плата за вход, плата за миску, в которой промывают песок, плата за попытку самому поискать золотишко.

В августе прошлого года 90 золотоискателей собрались здесь посоревноваться за звание чемпиона мира. Победил финн Лео Куронен, обнаруживший 5 крошечных (примерно одна десятая грамма) самородков. Все пять, которые устроители предварительно закопали в песок.

ЛОШАДИ ДЛЯ ЛИЛИПУТИИ

«Вырастили же японцы дубы высотою с помидор, отчего же мне не уменьшить лошадей?» — рассудил аргентинский фермер Джулио Фалабелла, и уже сорок лет, как он занимается этим делом.

Вот результат: если Британская энциклопедия утверждает, что самые маленькие лошади не бывают менее 1 метра 24 сантиметров, то в табуне Фалабеллы бродят лошадки по сорок сантиметров; под стать и вес — сорок килограммов.

Вроде бы кругом сорок, но для мини-скакунов цифровая кабалистика, похоже, не страшна. На ровной дороге они тащат до 900 килограммов груза, а живут, по словам Фалабеллы, по 50—60 лет — вдвое дольше обычных лошадей (правда, как сеньор Фалабелла установил это за 40 лет работы — неясно).

Лошадки предназначены на роль домашних любимцев, и, нужно сказать, заказы на них поступают из многих богатых домов. Недавно из Сицилии прибыл личный самолет одного тамошнего принца, решившего сделать подарок двухлетнему племяннику. Однако для такого наездника даже 40-сантиметровые скакуны великоваты. Потому-то Фалабелла мечтает о большем; точнее о меньшем — лошадях ростом в 25, а то и десять сантиметров. Пусть себе пасутся в горшке с геранью.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА УДАЧА

Есть у природы любимые дети, и для них она не жалеет ничего. Так четверть века назад свой лучший подарок — удачу — она сделала юному бельгийцу: преподнесла ему привязанность Парижа. И с тех пор Париж и удача хранили верность своему выбору. Дерзкий, ироничный, насмешливый, Жак Брель не щадил своих слушателей, но колкости и остроты только добавляли славы его песням («Горчица — наша национальная приправа», — заметил по этому поводу один музыкальный критик). 700 песен создал Брель и 400 из них пел сам. В театре «Олимпия» зрители устроили Брелю самую долгую овацию в истории этого знаменитого зала. Природа не жадничала, и в кино не шумный, но прочный успех сопутствовал Брелю-актеру и Брелю-режиссеру. И вдруг Брель исчез — он решил сыграть с удачей ва-банк и два года скитался на яхте в Южных морях: «Ведь и в наш век научно-технической революции случаются кораблекрушения...» Не случилось: Брель благополучно вернулся в Париж и, вернувшись, поразил всех очередным талантом — конспиратора. Швейцар студии, куда он приехал записать новую пластинку, не узнал его, не узнали и прохожие. Узнал лишь фоторепортер. Может, это ему, репортеру, улыбнулась теперь удача?

А ЧТО РИСУЮТ?

«Самые вредные существа на свете — люди», — гласит подпись к этой карикатуре, опубликованной западногерманским журналом «Штерн». Венец творенья такого натворил... Но сообщения об отравленных водах, о том, что, по подсчетам американских ученых, горожанин вообще не должен бы выжить и минуты, дыша тем воздухом, которым он дышит, — они тревожат только потребителей ядов, отнюдь не производителей. Так, по данным опроса, проведенного недавно в ФРГ, 97 процентов опрошенных считают охрану окружающей среды важнейшей задачей правительства, а 73 процента даже заявили о своей готовности платить дополнительный налог «на свежий воздух». Возможно, налог и будет введен, только легче ли дышать станет от этого налогоплательщикам?

БОЙТЕСЬ! (ПОДРОБНОСТИ ПОТОМ)

Скажите, пожалуйста, вам еще не страшно? Летают ведь. Ну эти, как их, на тарелочках — злодеи, короче. Вселенского масштаба. Это ж надо — украли красавицу принцессу Лейю. А все потому, что принцесса, в свою очередь, стащила у Главного Галактического Злодея план уничтожения человечества. Слава богу, герой-человек нашелся — Люк Скайуокер, и герои-роботы — R2Д2 и 3РО.

И пришли они все к отставному генералу Оби ван Кеноби, который в песках на планете Татуин жил, и сказали: «А не спасти ли нам принцессу и все человечество?» И сказал генерал-отшельник: «Вперед, храбрые рыцари». И пошел Люк сражаться с чудищами (на снимке: он дерется с мумией, у которой из головы растут резиновые трубки). И спас принцессу, и женился на ней, и пир был на всю вселенную. А чашу Святого Грааля — извините, ошибка, — план себе забрал. Одно плохо — злодею удалось удрать.

ПОДРОБНОСТИ

И вовсе это не плохо. Даже хорошо: вполне вторую серию можно сделать. А первая серия фильма «Звездные войны» оказалась самой страшной и страшно кассовой (рекорд Голливуда). Режиссер Джордж Лукас объясняет успех просто: «Немного жути, много инженерной выдумки плюс здравая идея — о том, что добро побеждает зло». Энд, действительно, хэппи. Только страшно за добро...

КОРОВЫ НА МАРШЕ. Швейцарец Арнольд Тейзингер, фермер и рядовой запаса, был призван в армию для переподготовки. Поскольку Тейзингеру не на кого было оставить шестнадцать имевшихся в его хозяйстве коров, то он и взял их с собой, явился в часть назначения и доложил командиру о своем прибытии для прохождения службы. Цюрихская газета «Дер тагес анцайгер», поведав читателям эту совершенно правдивую историю, добавила, что командование отпустило Тейзингера с коровами домой, потому что последние «были плохо подготовлены к строевым занятиям». Командование обязало также Тейзингера в течение года помуштровать своих питомцев, поскольку в следующий раз армия такого либерализма не допустит.

НОВОСТИ СПОРТА. Как сообщает американский журнал «Ридерс дайджест», чемпион США 1977 года по марафону Уильям Роджерс на вопрос, как он добился таких рекордных результатов, заявил, что в этом большая заслуга воров. Вначале они украли мотоцикл, на котором он ездил на работу. Он пересел на велосипед. Но велосипед тоже украли, и тогда он стал каждый день бегать трусцой на работу и обратно, решив, что в этом случае вряд ли кому удастся украсть еще что-нибудь. Однако он ошибся. Его дважды пытались ограбить, и его спасали только быстрые ноги.

ЦЕНА ОБИДЫ

Известный итальянский режиссер Ренато Кастеллани (телезрители, наверное, помнят его многосерийный фильм о Леонардо да Винчи) ставит новый фильм на модную сейчас на Западе тему: ограбление музеев. Сюжет основан на случае, наделавшем в свое время много шума: в 1911 году из Лувра был выкраден шедевр Леонардо «Джоконда». Следствие по делу шло два года, было арестовано немало безвинных (в том числе поэт Гийом Аполлинер и художник Пабло Пикассо, публично утверждавшие, что Лувр — один из наиболее дурно охраняющихся музеев мира и что нет ничего проще, чем вынести что-либо из него).

В конце концов виновный был разыскан. Им оказался некий Перуджа, итальянский каменщик, служивший при Лувре. Мотив преступления — месть за постоянные оскорбления со стороны французов-сослуживцев: в зале, где висят полотна итальянских мастеров — Тинторетто, Рафаэля, Корреджо и других, — жаловался Перуджа, — его все обзывали «макаронником»!

ВСЕ КАК У ЛЮДЕЙ

Похищения, убийства, беспорядки, безработица, инфляция — вот что такое Италия сегодня, считает западногерманский журнал «Шпигель», категорически не рекомендующий своим согражданам ездить в отпуск на Апеннины. На обложке журнал поместил монтаж — тарелка спагетти и пистолет.

Похищения, убийства, беспорядки, безработица, преследование инакомыслящих, загрязнение среды — вот что такое Западная Германия сегодня, считает итальянский журнал «Эпока», помещая фотографию обложки гамбургского журнала «Штерн»: молодая девушка держит плакат: «Согласна на любую работу».

— Так все же, — спросили корреспонденты западногерманского радио итальянского корреспондента, — советуете вы, в конце концов, нашим туристам ехать в Италию?

— Нет. Лучше им остаться дома. Пока они путешествуют, их дом наверняка обворуют.

СКОТЛЕНД-ЯРД РЕКЛАМИРУЕТ...

Английское телевидение запустило в эфир серию фильмов о героях-преступниках, ставших осведомителями Скотленд-Ярда. Спонсор серии, то есть заказчик, Скотленд-Ярд преследует цель практическую: подвинуть как можно большее число преступников на сотрудничество с полицией.

В последние годы довольно много преступников и в самом деле «раскололись»: в обмен на сведения о своих соучастниках, о распространителях порнографии или наркотиков клиенты Скотленд-Ярда получали мягкий приговор, а то и вовсе отпускались на волю. Больше всех среди таких полудобровольных информаторов прославился «король Сохо» — Джеймс Хамфри, владелец цепи притонов и магазинов порнографии. В его «досье» фигурировали прежде всего чины из... Скотленд-Ярда, состоявшие у него на содержании, а потому закрывавшие глаза на его деятельность... Неплохой вроде бы сюжет для новой телесерии. Но что-то в нем спонсору, Скотленд-Ярду, не показалось: не показали такого фильма.

▼ Со стр. 21
против меня в прессе. Кроме того, сыграл роль возраст. Мне ведь скоро 32. Лучшие игроки моей «Баварии» ненамного моложе меня. А это значит, что лучшие времена нашего клуба проходят. И честно говоря, мне просто не хочется после всех успехов и побед оказаться со своей командой где-то в середине турнирной таблицы.

И еще одно движет мной (хотя говорить об этом неприятно): деньги. Кроме всего прочего, я ведь еще и бизнесмен, и мне не составило труда подсчитать, насколько больше я смогу заработать в Нью-Йорке.

Конечно, прощание с немецким футболом я представлял себе иначе. И профессиональные футболисты любят помечтать: прощальная игра, как у Фрица Вальтера или Уве Зеелера, торжественные речи, цветы... Вряд ли из этого теперь что-нибудь выйдет.

В первый же день мне пришлось полчаса ждать перед отелем Вернера Рота, руководителя команды «Космос», который хотел заехать за мной и отвезти меня на тренировку. Он, оказывается, попал со своей машиной в затор. В Мюнхене обычно другим приходилось меня ждать. Мы опоздали на тренировку. Осталось только две футболки № 6 и № 15. Я выбрал № 6. В ней было что-то символическое. В футболке № 4 я начал свою карьеру, в футболке № 5 праздновал свои самые большие победы, и «шестеркой» я закончу свою спортивную биографию.

После тренировки я уже почувствовал себя почти как дома. Со стадиона мы поехали подписывать официальный контракт в отель «Пласа». Сразу после подписания контракта я поехал с женой и Шваном в нью-йоркский филиал Баварского федерального банка и открыл там счет. Вернувшись в свои гостиничные апартаменты, я впервые в жизни сказал «ты» своему менеджеру Роберту Швану. Тринадцать лет он говорил мне «ты», а я ему «вы», как и все игроки «Баварии».

Теперь он больше не менеджер «Баварии», мы с ним партнеры по бизнесу. Он и еще двое предпринимателей являются совладельцами фирмы «Франц Беккенбауэр». Наша цель — продать Америку по кусочкам в Западную Германию. Людям из ФРГ мы предлагаем покупать недвижимость или арендовать различные административные здания. Если, например, в Нью-Йорке будет продаваться Эмпайр Стейт Билдинг, то мы найдем покупателей. Я буду представлять фирму в Америке.

И все-таки мне было не по себе. Я снова и снова задавал себе вопрос: «Сможешь ли ты сделать завтра то, чего от тебя ожидают?»

Теперь мне кажется, что я правильно сделал, подписав контракт на три года с «Космосом». Конечно, мне будет трудно. Уже первая игра во Флориде против «Тампа Бей Раудиз» была как тяжелый сон. Мы проиграли. Проиграли 2 : 4. Это было тяжело. Много раз в пекле этой игры я думал: «Сейчас упаду, потом проснусь и окажусь у себя в Мюнхене».

От редакции: Профессиональные спортсмены подыскивают себе занятие на те тридцать лет жизни, которые останутся у них, когда они уйдут из спорта. Пеле, гордость бразильского футбола, снимается в кино. Джо Фрэзер, экс-чемпион мира в тяжелом весе, поет блюзы. Францу Беккенбауэру 32 года, он продолжает играть в футбол, но уже нашел себе и другой бизнес: он «продает Америку по кусочкам в ФРГ». Две статьи дохода лучше, чем одна. Франц Беккенбауэр думает о будущем.

Перевел с немецкого А. КОСАРЕВ

Queen

А. ТРОИЦКИЙ

Никогда не знала британская рок-сцена таких солидных дебютантов. Фредди Меркюри — дипломированный художник-иллюстратор, Джон Дикон — инженер-электронщик (диплом с отличием), Роджер Тэйлор — биолог, Брайан Мэй — астроном. А вместе они — ансамбль «Куин» («Королева»).

Первый альбом их вышел летом 1973 года и был если и не самым лучшим, то, пожалуй, наиболее симпатичным. С завидной энергией и подкупающей искренностью музыканты исполняли собственные произведения на библейские темы. Была в этих песнях теплота, трогательная, немножко провинциальная наивность.

Следующая пластинка — «Куин II» — представляла собой единую сюиту, повествующую о борьбе добра и зла: добро олицетворяла собой белая королева, зло — черная.

В этом диске уже отчетливо видны как положительные, так и отрицательные свойства «Куин». К первым относятся несомненное техническое мастерство всех членов группы и композиторское дарование Мэя и Меркюри. Отрицательные — банальность текстов песен и музыкальная многословность, неумение использовать в меру современную студийную аппаратуру.

В ноябре 1974-го в свет выходит «Сердечный приступ» — и становится бестселлером. Песня «Королева-убийца» занимает первое место в хит-параде Англии, а просто «Королева» становится одной из популярнейших групп.

Это был подлинный звездный час «Куин». «Самая сильная группа, появившаяся за много лет»; «Могут стать самым интересным явлением британской рок-сцены»; «В них возродился дух старых «Битлз», — критика не скупилась на похвалы.

А два года спустя в репортаже с концерта «Куин» мы находим такие строки: «Среди массы восторженных подростков замечаю несколько хмурых или насмешливых лиц... Критики». Что же случилось? Английский критик Крис Никольсон пишет в обзорной статье: «Уже в «Сердечном приступе» были заронены семена трюкачества, которые затем разрослись, подобно раковой опухоли...» В музыке «трюкачество» выразилось в том, что «Куин» начали заниматься подделками под легкую музыку давних времен — путь наименьшего сопротивления. Следующая пластинка «Вечер в Опере» уже почти целиком состояла из не очень разнообразных музыкальных виньеток, имеющих своей целью, по собственным словам Меркюри, показать весь диапазон его вокальных возможностей. Диапазон этот простирается от рок-н-ролла («Смерть о двух ногах»), через свинг 30-х годов («Рандеву на берегу моря») до оперетт. О пластинке «День на скачках» критик Фил Макнил пишет: «Тексты песен настолько расплывчаты, что кажутся вообще бессмысленными, в лучшем случае они просто тривиальны. То же можно сказать и о музыке. Или не слишком интересные, но, по крайней мере, живые рок-н-роллы, или же профессионально сработанные, но совершенно бессмысленные эстетские подделки. Самореклама не называется искусством, Фредди!»

Здесь я хочу извиниться за обильное цитирование зарубежных журналистов: дело даже не в том, что я хочу отбиться от возможных упреков в критиканстве (хотя от критики я вовсе не отказываюсь). Просто — и это естественно — у читателей больше доверия к тем, кто описывает виденное собственными глазами, к тем критикам, которые живут в том же культурном окружении, что и музыканты, о чьем творчестве они пишут. А без анализа культурного фона, на котором возникло какое-то явление, невозможна сколько-нибудь трезвая оценка этого явления. И тут мне придется — для анализа творчества Фредди Меркюри — прибегнуть к такому распространенному сейчас на Западе понятию, как «кэмп». Вот что пишет о нем американский критик Сюзен Зонтаг: «Суть кэмпа — пристрастие ко всему неестественному, искусственному, чрезмерному. Это не столько результат пресыщения культурой, сколько стремление быть оригинальным любой ценой. Кэмпмен сознательно вводит моду на пошлость...» Так вот, Фредди Меркюри западные критики называют «королем кэмпа».

«Король» весьма горд своим «званием» и, подтверждая свои права на него, многократно выступал с программными заявлениями. В интервью «Нью мюзикл экспресс» в 1975 году он поделился творческими планами: «Я думаю о том, чтобы на сцену меня выносили нубийские рабы и чтобы они все время овевали меня опахалами. Сейчас я уже лично отбираю кандидатов. Нелегко найти в наше время настоящего раба...»

И еще один немаловажный момент. Мы знаем о том, что рок-музыка родилась в свое время из протеста против общепринятых форм шоу-бизнеса, это был как бы ответ улицы на навязываемые средствами массовой информации стандарты. Затем рок-музыка была успешно втянута в систему шоу-бизнеса, и бывшие протестанты превратились в идолов со всеми присущими этому явлению атрибутами.

Я повторяю все это, чтобы сказать следующее: в рок-музыке появилась новая волна — волна очередной «демократизации». Все в меньшей степени современные концерты становятся ритуальным актом обожания поклонниками своей звезды. Рок стал как бы более деловым: на концертах все большего внимания удостаивается музыка. «Куин» же настолько увлеклись своим «звездным» образом, что со временем стали отставать от времени.

Меркюри это чувствует и с ностальгией вспоминает о днях своей молодости, когда «артисты были окружены мистикой, никто и мечтать не смел о том, чтобы поговорить, скажем, с Миком Джеггером после концерта...». А теперь: «Меня критикуют за то, что я возвожу барьер между собой и зрителями... Конечно, что же, чай мне пить с сидящими в первом ряду?!!» Самый демократичный жест Меркюри во время выступления: он появляется с хрустальным бокалом шампанского в руке и обращается к залу со словами: «Желаю всем вам шампань к завтраку!..»

Подобные трюки вызывают восторг только у самой юной поросли любителей рок-музыки, у тех же, кто понял, что рок — это не просто банальные «штучки» и не менее банальные песенки, они вызывают лишь усмешку. Это тем более раздражает Меркюри, он пытается хоть что-то изменить, но... Последнее его решение — призвать на помощь классический балет. Вернее, балетные позы. Танцор Меркюри никакой, все его приемы исчерпываются пятью элементарными па, и критики, конечно, сразу же отметили беспомощность этих попыток внедриться в балетное искусство. Фредди, однако, утверждает, что эти пять па позволили ему стать аристократом большого искусства, непонятым культурным новатором: «В конце концов, почему я должен думать о земном, публика хочет высокого искусства...»

Высокое ли, земное ли, а критики все твердят о том, что искусство «Куин» — искусство застывшее, что ансамбль не развивается творчески.

В конечном счете вся эта бутафория и позерство вредят прежде всего самой музыке. Прошу прощения за еще одну цитату: «...это обесценивает те некоторые по-настоящему сильные вещи, которые они исполняют: у «Куин» просто нет вкуса, они не могут отличить хорошее от плохого», — пишет Макнил.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление М. М. Ракитнина.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16/XI 1977 г. Подп. к печ. 26/XII 1977 г. А15216. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2084.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

На вопросы читателей о том, какие пластинки по лицензиям зарубежных фирм предполагает выпустить «Мелодия», отвечает старший редактор Главной репертуарно-художественной редакции фирмы «Мелодия» Валерий Николаевич Бугаев:

Вот уже более пяти лет наша фирма через своего внешнеторгового партнера В/О «Международная книга» сотрудничает с такими известными фирмами грамзаписи и радиовещательными корпорациями, как «Си-Би-Эс — Коламбиа» и «Эй-Би-Си» [США], «Эм-Ай» [Великобритания], «Полидор», «Телефункен-Декка», «Ариола-Эвродиск» и «Дойче граммофон» (ФРГ), «Шан дю Монд» [Франция].

Это сотрудничество дает возможность знакомить советского слушателя с лучшими образцами зарубежного исполнительского мастерства. Жанровый диапазон записей, приобретаемых по лицензиям, весьма разнообразен. Здесь и симфоническая, камерно-инструментальная, оперная, хоровая музыка, а также значительное количество записей звезд мировой эстрады.

Так, в 1977 году у нас в стране была, например, выпущена пластинка выдающегося музыканта современности, виолончелиста Пабло Казальса; в исполнении солистов, хора и оркестра «Метрополитен-опера» запись оперы Бизе «Кармен»; пластинки многих известных исполнителей: американского скрипача И. Стерна, органиста Л. Рогга, пианиста Г. Гульда, виолончелистки Ж. Дю Пре, оперных певиц Р. Скотто, Т. Берганса.

Из эстрадных записей, выпущенных по лицензиям иностранных фирм, отметим те, которые пользовались у нас наибольшей популярностью. Это диски Донни Осмонда, Пола Маккартни, Роберта Янга, Мирей Матье (только что вышел ее третий диск «Любовь и жизнь»), Дейва Брубека, Стена Гетца, вокально-инструментальных ансамблей «Нью Сиккерс», «АББА», «Би Джиз», оркестров Франка Пурселя, Макса Грегера, Рея Конниффа, Джеймса Ласта.

В 1978 году фирма «Мелодия» также приобретет целый ряд лицензий, представляющих для любителей грампластинок в нашей стране большой интерес. На первое полугодие намечен выпуск оперы Верди «Аида» в исполнении солистов и хора Королевской оперы «Ковент-Гарден» и оркестра «Нью-Филармония», а также Концерта № 3 для скрипки с оркестром и Сонаты для большой виолы Н. Паганини. Исполнители С. Аккардо [скрипка], Д. Ашиолла [альт], Лондонский симфонический оркестр.

Из эстрадных записей в скором времени выйдут две пластинки Клиффа Ричарда («Лучшие песни» и «Я почти знаменит»), диск известного пианиста Эролла Гарнера, певцов Адриано Челентано, Джона Леннона.

В заключение хотел бы еще раз напомнить, что тираж пластинок, выпускаемых по лицензиям, соответствует условиям договоров с зарубежными фирмами и поэтому часто бывает ограничен. Пластинки поступают в продажу в магазины и секции универмагов, торгующие грампластинками, на общих основаниях.

